

Областная детско-юношеская библиотека

БЛАГОДАРИТ Тамару Васильевну Поплавскую,
частного предпринимателя,
за деятельную и финансовую помощь
в издании этой книги.

Подарок другу

Проза и поэзия писателей третьего тысячелетия

Областная детско-юношеская библиотека Томск - 2001 г.

От составителя

В середине семидесятых годов я работал в студенческом строительном отряде. Однажды к нам подошёл старый дядечка-строитель, посмотрел, как мы ведем по натянутой ниточке кладку, каждый кирпичик, постукивая и каждый шовчик подравнивая, и сказал нам с некоторым неодобрением:

— Ну, вы, ребята, как для себя работаете!

Мы его не сразу поняли, а когда поняли, то очень удивились. Неужели для других надо работать хуже, чем для себя? Нам, очень юным и почти бескорыстным, это было странно.

Мне это и теперь немножко странно, хотя с возрастом я осознал, что дядечка был, не совсем неправ, что «для себя» очень многое и многими делается лучше, чем «для других». Зато я обнаружил ещё одну интересную вещь: есть много областей человеческой деятельности, где работать можно

ТОЛЬКО для себя — хотя изначально и по самой своей сути твой труд предназначен другим. Поэт Николай Глазков сформулировал этот парадокс так:

"Я лучше всех пишу свои стихи!"

Так вот, признаюсь честно и сразу: эту книжку я составлял ДЛЯ СЕБЯ. Я хочу вот именно такую. Чтобы она стояла у меня на книжной полке (и не на какой-нибудь из многих, а на той, что поближе), и чтобы я всегда мог протянуть руку, взять эту книжку и, раскрыв её наугад, прочитать друзьям то, что мне нравится. О радостных до визга полётах с шестого этажа. О том, как и почему подрались два робота на дачном участке. О бедной кошке, которую достали: с одной стороны — нахальные, но симпатичные коты, а с другой стороны — необходимость выглядеть воспитанной скотинкой. Или трогательную историю любви Снежинки и Пушка. Или трагическую историю мальчика, писавшего письма сестре, которую он выдумал... А ещё в этой книжке есть невероятная (и невыразимо грустная) гипотеза о происхождении медведей-шатунов, и «забойный» детектив о героических кактусах, и басня в прозе с лукавой моралью о том, как неприлично выглядеть слишком приличным, и весёлый «ужастик» о странных соседях, и...

Я потому и хочу иметь у себя эту книжку, что знаю её насквозь и почти наизусть. Прозу — большими кусками, стихи — если не целиком, то самыми яркими строчками. И

всё равно мне хочется их перечитывать. Мне мало вспоминать и проговаривать про себя, я хочу увидеть глазами, прочитать вслух и поделиться радостью с другом:

— Вот послушай, какая замечательная строчка о болоте: "*Бледные твои ягоды...*" А вот эта: «*Я лист. Я стар. И наступает осень...*» А доводилось ли тебе когда-нибудь услышать такие точные слова о первом снеге: «*Словно высказанный вслух*»?

И вообще, знаете, что такое хорошая книжка?

По моим представлениям, это книжка, которую: *а)* хочется читать вслух; *б)* хочется перечитывать; *в)* хочется подарить или хотя бы пересказать другу — чтобы и он тоже порадовался.

Я давно мечтал издать такую книжку, и однажды поделился своей мечтой с Ольгой Александровной Кривошеевой, директором ОДЮБа. В течение нескольких минут нашей беседы мечта стала замыслом и обрела реальные перспективы осуществиться...

Здесь мне придётся немножко — совсем чуть-чуть — углубиться в историю. ОДЮБ — это областная детско-юношеская библиотека. Ей в этом году исполнилось десять лет. Пару лет назад она называлась не ОДЮБ, а ОДЮЦ (вместо слова «библиотека» было слово «центр»). Впервые услышав это сокращение, я немедленно скаламбурил: «*Одюц родной!*». Ольга Александровна несколько не обиделась, даже наоборот, а я постарался закрепить не-обидность каламбура — и, подарив библиотеке свою только что изданную миниатюрную книжку, подписал её такими полуромантическими - полуироническими строчками: «*Кумирня юности моей, где шелест в тишине, ОДЮЦ родной! Ты всё родней от века к веку мне*».

Началось (точнее сказать, обнаружилось) наше духовное родство на областных фестивалях детского литературного творчества. Впервые библиотека вместе с Томской писательской организацией инициировали и провели такой фестиваль в 1995 году, и с той поры проводят их ежегодно. А в 1996 году я начал вести занятия литературной студии — сначала в 53-й школе, потом в 12-й и в 23-й, потом — когда школы вконец обнищали — где придётся... Однажды в студёную зимнюю пору помещение, на которое мы рассчитывали, оказалось закрытым, и «ОДЮЦ родной» впервые приютил на часок нашу разношёрстную продрогшую компанию — меня и нескольких учеников разных классов из разных школ города, уже не мыслящих себя без литературы и друг без друга. С осени прошлого года наша студия стала одним из творческих объединений библиотеки.

Родной для нас она была уже давно: каждую весну мои студийцы принимали участие в областных фестивалях, узнав о них даже раньше, чем я. Мне повезло побывать на трёх последних: я руководил... Впрочем, вряд ли это слово уместно в применении к литераторам — и не просто к литераторам, а к писателям и поэтам третьего тысячелетия! Правильнее будет сказать: «я вёл»... Опять не то слово! Куда я их вёл? Никуда я их не вёл, мы в комнате сидели, в уютном уголке с низенькими столиками, пуфиками и скамеечками, сплошь и со всех сторон заставленном книжными полками. И хоть было нас не пять-семь-восемь человек, а больше тридцати, но, в общем, на фестивалях я делал то же самое, что делаю в студии: по мере сил старался облегчить и упорядочить творческое общение писателей и поэтов — самых юных, с первого по шестой классы. А в перерывах, разумеется, прислушивался к тому, что творится в других лабораториях, где общались писатели более великовозрастные.

Творилось же — и у нас, и у них, во всех уютных уголках ОДЮБа — чудо. Потому что на фестивалях библиотека собирала в своих стенах начинающих волшебников. Людей, которым нравится составлять обычные слова непостижимым и единственно возможным способом. После чего обычные слова обретают способность радовать, печалить и удивлять...

В этой книжке наконец-то собрано то, что мне запомнилось и полюбилось на фестивалях.

Не всё. Конечно, далеко не всё. Это просто физически невозможно. Во-первых, не все рукописи сохранились. Во-вторых, не все авторы отыскались. А в-третьих, и в

главных, получился бы толстенный том, даже если составлять его из произведений ТОЛЬКО финалистов ТОЛЬКО последних трёх фестивалей.

Впрочем, этот принцип составления книжки — по степеням награжденности — отвергнут был сразу. Потому что очень много строк, образов и сюжетов запомнились — а призами отмечены не были, и в финал фестиваля их авторы не попали. Не следует рассматривать эту книжку и как некую компенсацию ненаграждённым: не бывает, не должно быть награды за творчество, оно само по себе — награда и наказание. И даже не награда, а подарок. Дар. Божий.

И если уж идти до конца по этой дорожке - подальше от спорта, поближе к литературе и высоко-высоко над политикой, — то вряд ли стоит указывать занятые авторами места и степени полученных ими дипломов. Зачем? Вот перед вами их произведения — читайте. Радуйтесь, горюйте, удивляйтесь! Ведь горе пополам — вдвое меньше, радость пополам — вдвое больше, а удивление — штука ещё более тонкая и необъяснимая. Авторы этой книги сумели, и удивить, и опечалить, и порадовать. И меня, и моих друзей, и (убедитесь в этом сами, полистав книжку!) иллюстраторов.

Кстати, добрая половина иллюстраций тоже сделана художниками третьего тысячелетия — учениками школы искусств из поселка Зональный, — за что им большое составительское спасибо. Как для себя поработали!

*Александр Рубан,
писатель-фантаст,
руководитель литературной студии
при ОДЮБ.*

Как для себя, над книжкой поработали:
Художник-оформитель ОДЮБ
Ольга Субботина;
Заместитель директора ОДЮБ
В.П. Разумнова.
Составление, макет и компьютерная верстка
А.Р. Рубана.

Сказка о медведе

Было это давным-давно. Шёл по дороге нищий и голодный человек. Увидел деревню и пошёл по домам. Постучался в одну дверь, но ему не открыли. Постучался в другую, но его прогнали. Тогда он пошёл в лес и лёг под деревом.

Стояла холодная осень. Совсем отчаялся человек и сказал:

- Прочему люди такие злые? Не хочу я больше **быть** человеком.

И вдруг налетел ветер, поднялся вихрь. Когда всё стихло, то на месте странника стоял большой, сильный и лохматый медведь.

С тех пор гуляет по лесам медведь-шатун. Зверей он не знает, людей не любит. Никому не верит и всех сторонится.

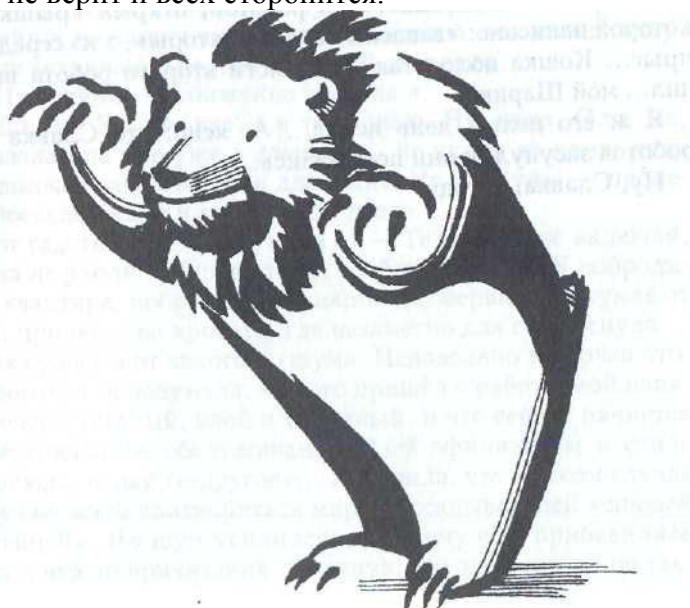

Рис. Е. Искрыловой

Драка

Иду я как-то по дачному посёлку, посвистываю. Шарик мой с утра куда-то убежал и потерялся, вот я его и ищу... Подхожу к Славкиной даче, а там: ТРАХ! БАМ!

Подползаю к забору... Смотрю — дерутся два робота. Я так и упал со страха в траву... Подбегает ко мне Славкин отец с шишкой на голове и кричит: «Колька, беги, позови слесаря, а то они от дачи камня на камне не оставят!» Славкин отец роботов нанял, чтобы картошку выкопали, а они — драться. Я побежал. Ну, а где же Славка?

Возвращаюсь я со слесарем, а наши роботы уже лежат. Умаялись. Вдруг: «ТЯВ! ТЯВ! МЯВ! МРЯУ-У-У!» Вокруг - никого... Я посмотрел на слесаря. А он усмехнулся, встал на колени возле ноги одного из роботов, открыл крышку, на которой написано: «запасные аккумуляторы», а из серединки - прыг... Кошка полосатая. А из ноги второго робота выскочил... мой Шарик!

Я ж его целый день искал... А, ясно: это Славка их в роботов засунул, и они погрызлись. Ну, Славка, погоди!

Домовёнок

Какой жуткий день всё-таки сегодня! Ну, посудите сами: уроков было шесть вместо пяти, я потеряла пенал, а в довершение всего после долгих нудных уроков зарядил сильный дождь, под которым я изрядно промокла, пока добралась до дома. Дома я выслушала неизбежную порцию упрёков типа: «Маша-растеряша», «Лучше бы голову потеряла, а не пенал», ну и т. д. Потом я с отвращением съела ненавистный гороховый суп и отправилась учить ещё более ненавистные уроки. Как попало, решив задачу и написав упражнение с кучей ошибок, я медленно собрала портфель, Далее я, бесцельно походя по комнате, присела у окна и стала наблюдать за всё ещё не кончившимся дождём. Из прихожей раздался голос мамы:

— Ольга! Я уйду к тётке Тане, скоро вернусь. Если я задержусь маленько, то ужин в холодильнике. Разогрей и ешь. Папу не жди — он опять задержится на работе и вернётся поздно. Телевизор не трожь — у него сегодня антенна сломалась. И вот ещё: конфеты в буфете не трогай! Завтра тётка Ира зайдёт на чашку чая. А то я тебя знаю: как съешь одну, так и не остановишься, все до одной слопаешь.

— Ну, прямо, — обиженно сказала я.

— Да, да! Уж кто-кто, а я тебя знаю. Ну, пока, Оля. Да, - сказала она мне уже в дверях, — не уходи из дома: дядя Ваня должен занести книги для папы. Не забудь! — пропела напоследок мама и захлопнула дверь.

«Вот гадство-то, — подумала я. — Телевизор не включай, из дома не уходи... Что же тогда вообще делать?» Я побродила по квартире, побродила и, наконец, совершенно очумев от скуки, прилегла на кровать, где незаметно для себя уснула...

Проснулась я от какого-то шума. Недовольно заворчав что-то спросонья, я подумала, что это пришёл с работы мой папа, как всегда, усталый, злой и голодный, и что сейчас начнётся его персональное обслуживание Олей-официантом в стиле «туда-сюда, подай то-другое»... Я решила, что в таком случае мне лучше всего притвориться мирно посапывающей «спящей красавицей». Но шум усилился, да к нему ещё прибавились грохот и чьи-то причитания. Смекнув, что здесь что-то не так, я мгновенно вскочила с кровати и направилась к источнику звуков — к залу. Надо сказать, что зал у нас поделён огромным бабушкиным шкафом на две половины. Первая половина — собственно зал с креслами, диваном, телевизором и прочими причиндалами. А вторая половина представляет собой папин рабочий кабинет со старинным письменным столом, стеллажом, доверху забитым книгами, и резным деревянным столиком с нашей семейной реликвией — «домовёнком», красивым каменным изваянием, которое сделал мой пра-пра-пра-прадедусь. Ну, так вот, захожу я в зал и вижу невероятное: «домовёнок», наша семейная реликвия, к которой меня ближе, чем на пять метров не подпускали, лежит на полу, и по нему бежит аккуратная трещинка... Я онемела от ужаса, стою, и глаз не спускаю со статуэтки. Вдруг что-то щёлкнуло, и изваяние стало рассыпаться на мелкие кусочки. Так мне показалось. Но через несколько секунд оказалось, что это не так: со скульптуры, как скорлупа с яйца, осыпалась каменная оболочка, а под ней оказалось... живое существо с маленькими лапками и большими зелёными глазами. Я что есть силы завизжала, так как подумала, что это крыса, а я до мозга костей их боюсь... Существо прижало маленькие лапки к розовым ушкам и сердито сказала:

— Ну что ты визжишь? Я же тебе не оборотень какой-то, а всего лишь домовёнок. Игруний меня звать. Л тебе как?

— Оля, — машинально ответила я.

— Хорошее имя, — похвалил он. — Ну-с, покажи мне дом. Что стоишь-то, как истукан?

— А тебе... зачем? — осторожно спросила я, потихоньку отодвигаясь от странного гостя.

— Как зачем? Ну и странная же ты всё-таки! Жить я здесь собираюсь, вот зачем! А любой нормальный домовой должен все свои владения хорошо знать! Ну, что ты так на меня глядишь, будто домовых ни разу не видела?..

— Если честно, нет, — призналась я.

— Да ну? И что, у вас совсем домовых никогда не было? Да какой же век на дворе такой, что домовых нету?

— Двадцатый... кажется.

— Что-о-о? — Игруний выпучил свои и без того большие глазки. — Как двадцатый?! Почему двадцатый? Это что же, я, — он пнул ножкой осколки каменной оболочки, — три века в этом камне сидел? Да быть того не может!!!

Внезапно он остановился и посмотрел на меня, и такая надежда мелькнула в его зелёных глазках, что мне захотелось взять домовёнка на руки и крепко-крепко прижать к себе...

— Оля, а ты случайно не ведьма? Ну, хоть чуть-чуть-то колдовать умеешь?

Я стояла и не знала, что ответить. Сказать «да» — это значит солгать Игрунию, а «нет» — совсем разбить его надежды... Но тут кто-то позвонил в дверь.

— Прячься! — крикнула я и побежала открывать. Открыв дверь, я обнаружила, что это не мама и не папа, горящие желанием отлупить меня за разбитую семейную реликвию, а всего лишь дядя Ваня с кипой книг в руках для отца. Вручив их мне, он с достоинством удалился. Я поплелась в зал, сгибаясь под тяжестью книг и мысли: «Что же

мне сказать Игрунию?» Вдруг взгляд мой упал на обложку верхней книги. Она называлась: «Древнерусские заклинания и заговоры». От счастья я чуть не выронила все книги и чуть не упала. У меня в голове созрел замечательный план. Я проскользнула в свою комнату, поставила книги на пол и, сев за стол, принялась лихорадочно листать ту самую книгу, что попала мне на глаза. «Т-так-с... 12 век... 13 век..., 14-й, 15-й... 16-й... Ага! Вот! Семнадцатый век. Ура!» — подумала я и бегом понеслась в зал, прихватив с собой книжку. Войдя в зал, я удивилась. Игрунья нигде не было. Тогда я тихо позвала: «Игруний! Где ты?» Тот мгновенно появился, как будто бы из воздуха. Я вздрогнула и, спохватившись, приняла самое серьёзное и учёное выражение лица, на которое только была способна, и сказала:

— Ну, Игруний, говори, что тебе надобно, и я постараюсь помочь тебе.

Серое личико Игрунья просияло. Он только и смог вымолвить:

— Большое - пребольшое тебе спасибо, Оля!.. Но потом посерьёзnel и сказал:

— Мне нужно совсем-совсем немного: снова обратиться в камень, но только избавиться от этой оболочки не здесь и не сейчас, а тогда, когда меня только-только обратили в камень.

— Ну... Тогда расскажи мне, как и кто тебя превратил в статуэтку.

— Хорошо... Ну, три века назад я решил зайти к своему старому знакомому, домовому Рувийке. Вообще-то, мы, домовые, страшные домоседы, но мне наскучило сидеть дома, и вот я отправился в гости. Но, видимо, я забыл, где живёт Рувийка, и случайно зашёл не в тот дом. А это оказалась избушка колдуна, который терпеть не мог домовых и обзывал нас «нечистой силой». И вот к этому колдуну я попал. Я вошёл, увидел его и хотел, было уже сигануть обратно сквозь стену, но тут он обернулся и увидел меня. Колдун поднял руку, и я не смог больше сдвинуться с места... Потом он что-то пошептал на камешек и кинул им в меня... После этого у меня перед глазами всё поплыло, и они как будто покрылись какой-то пеленой... А дальше я ничего не помню.

Игруний замолчал и посмотрел на меня, как будто чего-то ожидая. Но мне сейчас было не до него. Я думала: раз «домовёнка» сделал мой пра-пра-пра-прадедушка, то значит, он был... колдуном? Тут Игруний кашлянул, выразительно посмотрев на меня. Я вспомнила, что я теперь первоклассная колдунья, и торжественно произнесла:

— Ну, Игруний, я думаю, что смогу тебе помочь. Но мне нужно сосредоточиться, и, извини, конечно, но тебе придётся подождать...

С этими словами я, с книжкой под мышкой, вышла из зала. Тихо хихикая, я вошла в свою комнату и стала листать книжку. 17-му веку было посвящено 200 страниц. Я без устали листала, листала, листала; и вот, наконец, на 198-й странице оказалось следующее: «Заклинание о времени», а на 199-й — «Как превращать в камень». Я принялась читать оба заклинания, лихорадочно пытаюсь уловить смысл. Видела бы меня сейчас наша учительница по литературе! То-то бы она удивилась: с такой скоростью, как я сейчас, могла читать только она. Прочитав заклинания, я приняла серьёзный вид и отправилась в зал. Игруний, развалившись в кресле, озадаченно вертел в лапках пульт телевизора. При моём появлении он положил пульт на спинку кресла и встал. Я серьёзно произнесла:

— Ну, Игруний, всё в порядке. Вставай во-он на тот столик! — указала я на тот самый резной столик в кабинете отца, где раньше стоял Игруний в каменной оболочке.

Домовёнок вскочил на столик и замер, Я подняла один из каменных осколков и, пошептав на него заклинание, прицелилась. Кинув им в Игруния, я обнаружила, что тот снова покрывается каменной корочкой, услышала последнее слово Игруния: «Прощай!» Затем мне предстояло самое трудное: вернуть Игруния на три века назад. Выполнив необходимые приготовления (взять две свечи, два зеркала, выключить свет и т. д., и т. п.), мне нужно было поставить окаменевшего Игруния между двумя зеркалами и свечами и три раза прочитать заклинание. Так я и сделала... После этого у меня в голове всё помутилось, сердце бешено заколотилось, и я упала на пол...

Очнувшись, я обнаружила себя лежащей на диване в зале, и что надо мной склонились озабоченные лица родителей. Приподнявшись и сев на диване, я осмотрелась. Все мои колдовские причиндалы исчезли, пропала каменная крошка, устилавшая весь пол в зале, и, самое главное, на резном деревянном столике стояла... изящная мраморная ваза! Я выпучила глаза, ошарашено посмотрела на папу и спросила:

— Пап, а что это за ваза, что стоит на столике у тебя в кабинете?

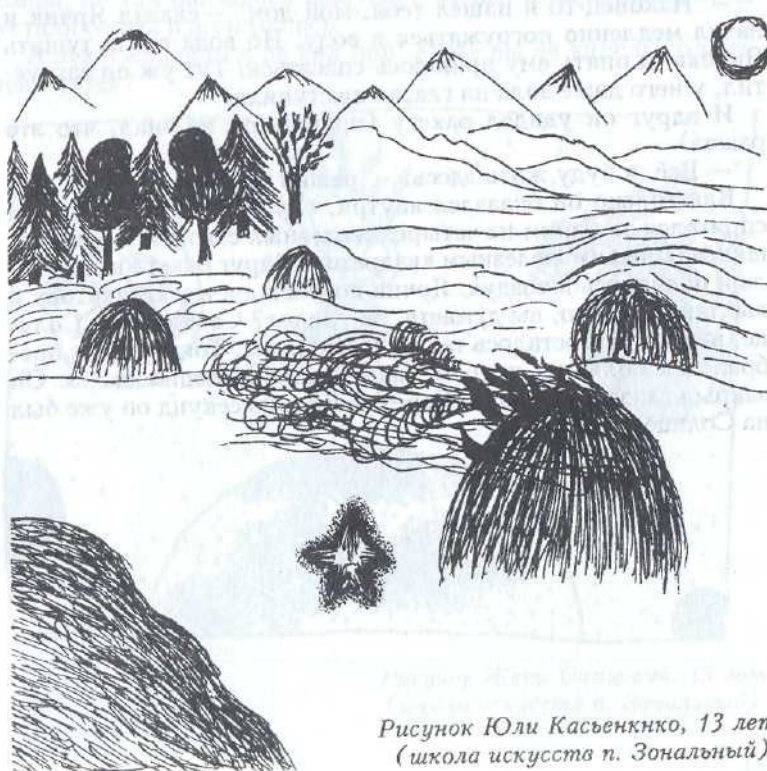
Папа ещё более ошарашено посмотрел на меня и сказал:

— Оль, ты что? Это ж... Это ж наша семейная реликвия -ваза, которую сделал твой пра-пра-пра-прадедушка!

Сказки про Ярчика

Приключения на Земле

Как вы знаете, на Солнце живут огоньки — мальчики и девочки. Однажды им стало тесно, и они начали переселяться на другие планеты, где не жили никакие существа. Но один огонёк не захотел жить в одиночестве и спрыгнул на Землю. Этого огонька звали Ярчик, он был весёлый мальчишка с рыжими волосами и огромным количеством веснушек. Одет Ярчик был в красные шорты и майку.

Ярчик приземлился на сухую траву, отчего она тотчас же загорелась, и он убежал от этого места. Вдруг на своём пути он увидел большой дуб, на самой нижней ветке которого трепыхался маленький зелёный листочек. Ярчик подпрыгнул и достал его. Когда листочек оказался у него в руках, Ярчик сделал из него плащ и надел на себя. Это помогло ему не зажигать всё, к чему он прикасался.

После этого Ярчик пошёл искать себе дом. Сначала он увидел стог, сена и сразу же бросился к нему. Почему-то он решил, что это как раз то место, где должны жить огоньки. Подбежав к стогу, Ярчик обнаружил маленький ходик и забрался внутрь.

Только он собрался поспать, как ему за шиворот попала соломинка и загорелась. Пришлось Ярчику уносить ноги. Он побежал на блеск чего-то большого и голубого. Это оказалось озеро.

— Наконец-то я нашёл тебя, мой дом! — сказал Ярчик и начал медленно погружаться в воду. Но вода стала тушить Ярчика, и опять ему пришлось спасаться. Тут уж он загрустил, у него даже зола на глазах выступила.

И вдруг он увидел ракету (правда, он не знал, что это ракета).

— Всё, я буду жить здесь, — решил огонёк.

Как только он оказался внутри, ему стало страшно, и он спрятался за одним из четырёх железных стволов, соединявшихся большим железным квадратом. Вдруг ракета вздрогнула и поднялась в воздух. Ярчик подбежал к иллюминатору и выглянул. И что, вы

думаете, он увидел? Своё родное Солнце, на котором осталось так мало огоньков. Тогда Ярчик пробрался к большим трубам, из которых выходил огонь. Он закрыл глаза и прыгнул. Через несколько секунд он уже был на Солнце.

Война

Однажды огоньки поссорились. Они разделились на две группы и начали воевать. Первое сражение было ужасно. Боевые пипетки брызгали, не переставая, и брызги тушили огоньков одного за другим. В общем, полный ужас.

Ярчик сидел в кустах, наблюдал за ходом битвы и думал о том, как бы всё это прекратить. Думал-думал и придумал прекрасный план.

Как только все уцелевшие огоньки легли спать, он вместе со своими друзьями спустил длинный шланг на Землю, и они начали качать воду на Солнце, пока, наконец, не получилось большое озеро. Потом они стали делать другие озёра...

Когда солдаты двух армий проснулись, они очень удивились, увидев, что их разделяет озеро. Казалось, сам великий Солнечник (это их бог) хочет конца войны. Но гордость не позволяла огонькам предложить мир. Они побежали в обход озера, но там оказалось ещё одно, и ещё, и ещё. Вскоре они устали бегать и помирились.

А эти озёра есть и до сих пор. Разве вы не видели солнечных пятен?

Рисунок Жени Синцовой, 15 лет (школа искусств п. Зональный).

Опасные приключения Камуськи и Рыжусика

На одной планете, которая называлась Марс, жили зелёные инопланетяне. У них были большие глаза, большой рот, маленький носик, маленькие ушки, большущая голова и маленькое тельце. И вот в одной семье родилась маленькая инопланетянка. Её назвали Камуська. Камуська очень любила ягоду чернику, и, так как ела она её порядком много, то голова у неё стала фиолетовой, а уши, носик и тельце остались зелёными. Вскоре Камуська выросла, и у неё появился друг, его звали Рыжусик. Его так назвали потому, что когда он был маленький, его оставили на поляне, а в это время сильно пекло солнце, и Рыжусик загорел, стал рыжим, и у него появились веснушки.

Камуська и Рыжусик были самыми лучшими друзьями. Они вместе гуляли, вместе смеялись и даже вместе грустили. И вот они, как всегда, пошли гулять, а по дороге так увлеклись разговором, что не заметили, как набрали на какую-то реку, за которой стоял мрачный замок.

— Чей это замок? — спросила Камуська.

— Этот замок принадлежит самому Злюке Злюковичу! — сказал проходивший мимо старичок.

— А кто такой этот Злюка Злюкович? — поинтересовался Рыжусик.

— Э-э, да я вижу, вы не местные. Злюка Злюкович правит всем замком, и все леса, деревни, поля — всё, кроме того, что находится за рекою Хрустаськой, принадлежит ему одному. Он очень злой, и всякого, кто шагнёт на землю Злюки Злюковича, хватает стража и ведёт к своему повелителю. А что делает с ними Злюка Злюкович, никто не знает, потому что никто ещё от него не уходил.

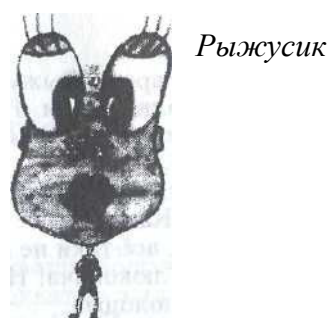
— Ой, как интересно! — воскликнула Камуська. — Пойдём, посмотрим!

— Я не думаю, что туда нужно идти, это очень опасно, — засомневался Рыжусик.

— Да ты просто трус! Так и скажи, что ты боишься идти!

— Я не боюсь! Просто не хочу туда идти.

— Нет, боишься!

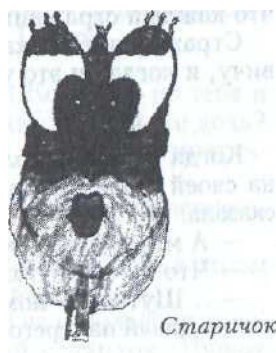

Рыжусик ничего не ответил и пошёл обратно. Он думал, что Камуська передумает и пойдёт за ним, но нет — Камуська стояла на своём. «Не дождёшься!» — подумала она. И всё-таки пошла к владениям Злюки Злюковича. Она села в старую, заброшенную лодку и поплыла на другой берег Хрустаськи. Но как только она шагнула на землю Злюки, её схватила стража и потащила к своему повелителю.

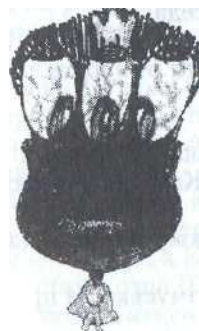
В замке она увидела самого Злюку Злюковича. На его лохматой голове возвышалась корона, а кожа его была серого цвета — наверное, потому, что он долго не мылся, или потому, что сидел в темноте и ни разу не выходил на свет. У него были страшные, острые, жёлтые, да к тому же ещё и с кариесом, зубы. На его трёх глазах были

красные трещины, а ресницы были все пообломаны. Кончики его ушей обгрызли тараканы, а в носу висело кольцо.

Камуська очень испугалась, она даже пожалела, что не послушалась Рыжусика. Но тут стража её связала и повесила над чаном с горячей смолой. Сколько Камуська ни брыкалась, освободиться она не смогла.

(Рисунки автора)

Злюка Злюкович

В это время Рыжусику уже надоело ждать Камуську, он начал волноваться. Но тут он вспомнил, что говорил старичок, и побежал к нему за советом. Кое-как Рыжусик нашёл старичка.

— Милый старичок, помоги, пожалуйста, освободить мою подругу Камуську!

— Да, всё-таки не послушалась она, подошла к владениям Злюки Злюковича! Но, так и быть, помогу я тебе. Уж слишком вы молодые.

Старичок дал Рыжусику золотую мушку и сказал:

— Возьми эту мушку и, когда подплывёшь к владениям Злюки, возьми её за лапки — она перенесёт тебя к твоей Камуське. Но не выпускай мушковых лапок и не смей вставать на землю, а то тебя сразу схватит Злюкина стража.

Рыжусик поблагодарил старичка и побежал к реке Хрус-таське. Там он взял мушку за лапки, и мушка понесла его к Камуське.

А в это время Камуська всё ещё висела над котлом с кипящей смолой и уже не надеялась на своё спасение. Но тут она увидела самого Рыжусика, летящего на мушке. Она чуть было не закричала от радости, но Рыжусик вовремя закрыл ей рот. Он сказал Камуське, чтобы она тоже ухватилась за лапки золотой мушки, и стал её отвязывать. Но чтобы сделать это, ему пришлось опуститься на землю.

Стража бросилась на них со всех сторон.

Рыжусик успел освободить подругу и ухватиться за лапки золотой мушки, мушка неожиданно взлетела, и получилось, что каждый стражник обнял своего соседа.

Стражники побежали рассказывать всё это Злюке Злюковичу, и когда он это услышал, то лопнул от злости.

Когда, через несколько дней, Камуська и Рыжусик играли на своей любимой цветочной поляне, Камуська неожиданно сказала:

— А мне всё-таки жалко бедного Злюку Злюковича.

— Что?! — испугался Рыжусик.

— ...Шутка! — помолчав, сказала Камуська. И предложила: — Давай наперегонки!

Снежинка и Пушок

Роман

Страна, где живут наши герои, называется Кошачья страна. И в одном городе под названием Мохнатые жила в богатой семье прекрасная кошечка Снежинка. Она была из рода Сиамских. И в этом же городе на окраине жил котёнок Пушок. Он был из бедного рода, то есть, не породистый.

И вот Снежинка со своими родителями отправилась на дачу (а дача находилась на окраине). Когда она приехала туда, то скорей побежала в конюшню. Она очень любила лошадей. А в то время в конюшне работал Пушок — то есть, не сам Пушок, а со своим отцом. Снежинка, как всегда, торопилась проведать своего любимого жеребца Бегуна и, подойдя к нему, увидела Пушка, который мирно беседовал с Бегуном. Пушок уже давно сдружился с Бегуном, и жеребец любил его не меньше, чем Снежинку. Конечно, Снежинка возмутилась, что кто-то стоит рядом с её Бегуном. Но когда Пушок обернулся к ней, и она увидела его обворожительный взгляд и его прекрасную улыбку, то замерла. Пушок тоже, как увидел Снежинку, так и замер на месте. Они понравились друг другу. Если бы в конюшню не зашёл папа Снежинки Кот Котофей, то не знаю, чем бы это закончилось.

— Дети, вы, наверное, уже знакомы? Идите, погуляйте. Отец у Снежинки был добрый и справедливый. Он судил

котов не по роду, а по характеру. Снежинка и Пушок вышли.

— Как тебя зовут? — начал разговор Пушок.

— Снежинка. А тебя?

— А меня Пушок. Я давно знаю Кота Котофея, но тебя я вижу первый раз. Ты такая красивая. Наверное, ты его дочь?

— Да, я его дочь. А насчёт красивой, ты тоже симпатичный. Давай играть!

— Давай. Пойдём, я покажу тебе очень славное местечко. К большому дубу. Вперёд!!!

И они побежали, а Кот Котофей остался поболтать с отцом Пушка (кстати, отца Пушка звали кот Матроскин).

Пушок тем временем привёл Снежинку на небольшую поляну, посреди которой стоял большой дуб с дуплом. Пушок помог Снежинке залезть в дупло. В нём было очень уютно. Там был коврик из мха, столик, два стульчика. Когда ещё Пушок не был знаком со Снежинкой, он от скуки пошёл гулять и набрёл на этот дуб. Он залез в дупло и сделал его как комнатку. Получилось очень даже неплохо. Пушок спросил:

— Во что мы будем играть? На что Снежинка ответила:

— В дочки-матери.

Но Пушок отказался и предложил пойти в сад и поесть яблок. Они пошли и ели долго, пока у них не разболелись животы. Тогда котята побежали к маме Снежинки Муре Васильевне. Она дала им лекарство и покормила бутербродами с колбасой. Поев, они побежали в конюшню и катались на лошадях до вечера.

Но когда они уже собирались пойти домой, случилось ужасное. Пушок не удержался в седле и упал. Он долго не приходил в себя, а когда очнулся, увидел заплаканную Снежинку, отца и себя в больнице. Он ничего не помнил, но чувствовал боль во всём теле. Пушок хотел что-то спросить, но Снежинка прикрыла ему рот лапкой. К счастью, он ничего себе не сломал, просто сильно ударился и потерял сознание.

Через неделю Пушка выписали из больницы. Он хотел побегать, покататься на лошадях (даже после падения) вместе со Снежинкой. Но Снежинка ему не позволила. Она

ухаживала за ним, не давала ему вставать, приносила ему еду в постель. Со временем Пушок окреп. Снежинка очень радовалась и отпраздновала это событие банкетом.

А спустя две недели умер отец Пушка, кот Матроскин. Пушок долго горевал, но, когда он успокоился, Снежинка набралась смелости попросить его поехать вместе с ней в город и жить у них. Пушок попросил время подумать. Вечером он залез на стог сена и думал обо всём: об отце, о Снежинке, о её предложении — и, наконец, решил, что Жизнь продолжается, и принял предложение Снежинки.

Она очень обрадовалась. Они весело проводили время: катались на каруселях, посещали кафе, ели мороженое, ходили в цирк, зоопарк и один раз поехали в лагерь «Кис-кис». Это был особый лагерь. Там учили котят плавать, и поэтому лагерь был полон разных бассейнов. Но вот они всей группой пошли на дискотеку. Пушок со Снежинкой весь вечер танцевали друг с другом. И все понимали: здесь пахнет любовью. Время в лагере они провели хорошо. И лагерь очень хороший.

Детство пролетело очень быстро. Котята стали большими, взрослыми и обвенчались. Но оказалось, что Снежинка не может иметь котят, а почему, никто не знал. Конечно, Пушок ОЧЕНЬ расстроился, но не перестал любить Снежинку. И поскольку они не могли иметь детей, то пошли работать воспитателями в местный детский сад. Дети любили Пушка и его жену, и они любили детей, ведь дети были такие славные. Как же их не любить?

Как-то раз Снежинка сказала мужу:

— Давай возьмём из приюта девочку, ещё совсем грудную.

— Хорошая мысль! — воскликнул Пушок.

На том и порешили, и в тот же день пошли в приют и взяли славного котёнка. Этого котёнка назвали Элизой (поскольку это была девочка). Она была послушной и красивой. Всё было хорошо. Пушок и Снежинка умерли бы старыми-старыми. У них были бы внуки и правнуки — но нет...

Спустя два года в город явился кот Персик, по прозвищу Драчун. Он добивался всего, чего хотел, и один раз он встретил Снежинку. И, конечно, влюбился. Персик решил добиться любви Снежинки к нему. И он вызвал Пушка на дуэль, думая, что этим завоюет любовь Снежинки. Они стрелялись, и Драчун попал в Пушка. Прямо в грудь. Снежинка, узнав об этом горе, побежала к нему. И его последние слова были такие:

— Снежинка, я умираю, но ты живи, живи ради меня, ради Элизы. Прощ...

Не договорил Пушок, его сердце остановилось.

И Снежинка выполнила просьбу. Она жила. Жила ради Элизы и Пушка. Её красота увяла. А злого Персика поймали и дали ему пожизненное заключение, но этим не вернёшь жизнь Пушка.

Новые соседи

Рассказ

Переезжать Неверову не хотелось. По многим причинам, но в особенности из-за соседей. Конечно, и прежние были не сахар: то сверху потоп устроят, то у пятнадцатилетнего авторитета, проживающего напротив, соберутся потусоваться друзья-меломаны (так развлекаются — аж стены дрожат!). Ну, так ведь к этим-то привык уже, а на новом месте — неизвестно ещё, не будет ли хуже...

Зато жена Неверова, Зинаида, была просто счастлива. По той же причине. Уж в новом-то доме будет с кем поболтать. А то здесь — одна Любка из двадцать пятой, так они, понимаете ли, друг дружку не переваривают. Правда, есть еще Дарья, но с этой вообще рот лучше держать на замке — та-а-акая сплетница! Слово ей скажешь - всем соседям передаст, да ещё так приукрасит! Ну не со старушками же ей около подъезда болтать!!!

Единственное (и весьма избалованное и своенравное) дитя — Костик — вообще был решительно против смены места жительства, потому что сам периодически отправлялся потусоваться к пятнадцатилетнему авторитету напротив и расставаться с такой компанией не желал («Это же другой конец города, предки, чего я там забыл-то, а?»). Впрочем, его возмущенному гласу не вняли и переезд, разумеется, состоялся.

Дом был совершенно новый, девятиэтажный. Добрые люди уже успели украсить клумбу перед подъездом робко выглядывающими из сорняков анютиными глазками, разбить фонарь и написать на серых плитках несколько слов, без которых, видимо, картина кому-то казалась незаконченной.

Зинаида быстро нашла себе подруг — была у неё такая способность. И уже на следующий же день, поджаривая себе картошку на запоздалый обед, Неверов обнаружил жену на лавочке, у подъезда, с какой-то невообразимо размалёванной девицей, беспрерывно о чём-то болтающей.

Единственное дитя тоже недолго горевало по утраченному обществу и нашло себе друзей в лице одноклассников («тоже крутые ребята, а иначе чего с ними связываться?»). И, видимо, чтобы не слишком среди них выделяться, Костик выпросил у матери ужасающего вида чёрную футболку с экзотическим узором из весело скалящихся черепов и непонятной Неверову иностранной надписью. Разрезал джинсы на коленях (после чего Зинаида закатила ему, а заодно и равнодушно смотрящему на это безобразие Неверову, такой грандиозный скандал, что соседи снизу прибежали — узнать, отчего у них люстра дрожит) и остался очень доволен своей новой «упаковкой».

Но больше всех счастлив, оказался Неверов. Ну, ещё бы: за две недели ни одного потопа сверху, соседские тараканы всё ещё не объявились, и больше никто не включает по вечерам громкой, режущей слух музыки, которая так мила современной молодежи.

А соседи по площадке — так это вообще сокровище! Напротив поселились молодожёны (она — маленькая, хрупкая, стеснительная, он — улыбочивый, с фигурой почти как у Шварценеггера, обливается каждое утро и, по разведывательным данным Зинаиды, занимается какими-то там единоборствами), с утра до вечера, пропадающие на работах, так что их вообще никогда не слышно. А соседи слева натуральные интеллигенты — все, начиная с отца семейства и заканчивая десятилетней дочерью. И сын у них — это вам не охламон Костик в рваных джинсах — всё время в пиджачке, брючках, аккуратный, вежливый, неторопливый.

Неверов таким соседям не нарадовался.

Зато Зинаида понять их не могла. «Эти, из сто десятой, какие-то они не такие, — говорила она. — Неправильные какие-то... То есть наоборот — слишком уж правильные... И фамилия у них слишком обычная — Ивановы...». «Ну и что? — пожимал плечами Неверов. — У нас свободная страна...».

— Неспроста это, — сказала ему Зинаида и в этот раз, и пошла на кухню готовить борщ.

— Глупости, — в спину ей произнёс Неверов и устроился на диване смотреть по телевизору футбол.

И чего она к этим Ивановым прицепилась? Люди как люди...

А-а, понятно! Что больше всего любит Зинаида? Конечно, сплетни и скандалы. Особенно со своим непосредственным участием. А тут — и не топят, и отдыхать не мешают. Безобразие, в общем. Вот и нашла себе занятие. Неверов усмехнулся и глянул в окно. Иванов - старший шёл куда-то, не спеша вместе со своей женой, которую держал под руку.

Ну, вот! А она говорит — слишком правильные... Все нормальные люди футбол смотрят, а он — гуляет!

Часам к шести вечера из школы домой вернулось единственное дитя. Первое, что услышал от него Неверов, это весьма необычный для Костика вопрос:

— Слышь, предок, я тут в один базар не въехал...

— На чём это ты не въехал? — удивился Неверов, который никак не мог привыкнуть ко всем этим словечкам. — И вообще, что ты возле базара делал?

— Да не-е, ну, ты не сечёшь, в натуре. Ну, слово я не понял... Ну, ещё смешное такое... типа «мурло», только ещё прикольной... Ну, это... О! Чело! Точняк, предок, оно самое — чело.

— И где же ты услышал такое странное слово? — вздохнул Неверов.

— Да, прикинь, как вышло-то: подваливаем мы к одному ботанику... Ну, который из соседнего флэта... Подкатываемся мы к нему, в натуре, и базарим: слышь, чувак, кури... Ну, короче, дела у нас к нему были, предок... А он мне сразу, прикинь: если вы, говорит, от меня не отвалите, я буду вынужден врезать вам по этому самому... челу, короче...

— Что, прямо так и сказал? — поинтересовался Неверов. — Не, ну не совсем. Типа того...

— Эх, чадо! Чело — это лоб, просто слово устаревшее.

— А-а!.. Так это он про котелок, в натуре! Ну, так... А то я думал: забивать ему стрелку или не стоит. Сосед всё-таки, — радостно выдало единственное дитя и удалилось к себе в комнату. Неверов только головой покачал...

— Поняла! — послышался вдруг крик Зинаиды, и она появилась из кухни со скалкой в руке. — Я их раскусила!

— Кого? — непонимающе спросил Неверов.

— Да соседей же, Ивановых! — снова закричала Зинаида и вдруг, резко изменив интонацию, страшным голосом прошипела: - Они ШПИЁНЫ!

Неверов некоторое время просто ошарашено молчал.

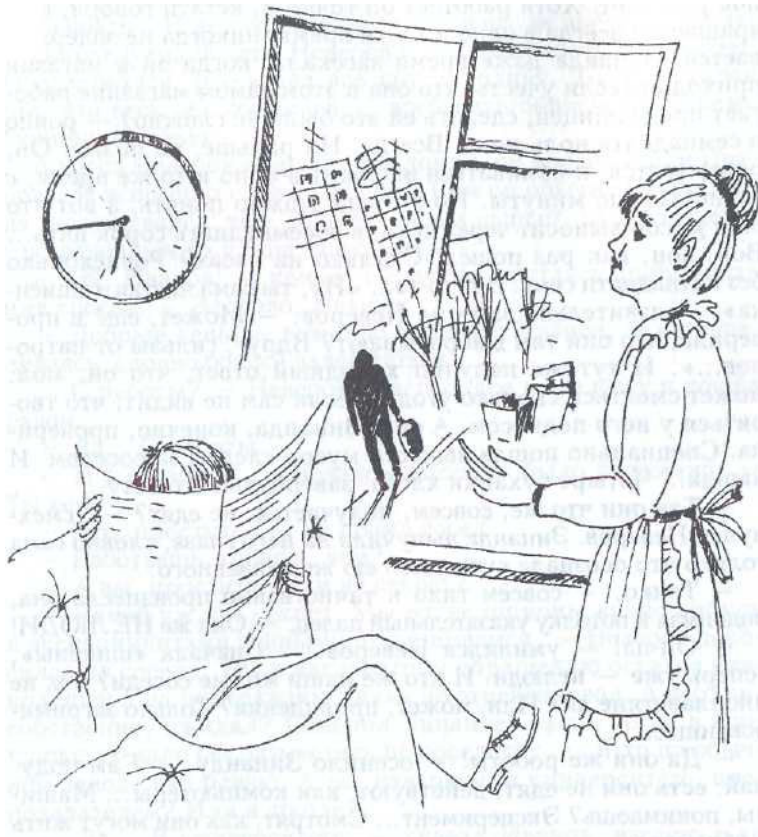
— Точно, шпиёны! Вот и делают всё правильно, чтобы не засветиться.

— Угу, — оправился от первого шока Неверов. — Да из Иванова такой же «шпиён», как из меня балерина.

Зинаида фыркнула.

— Я же говорю, — я их вычислила. Я за ними давно слежу...

— Да? — спросил Неверов с усмешкой, но Зинаида только презрительно глянула на него. - И что же ты там навывслеживала?

— Да вот хотя бы... Этот Иванов ходит в магазин через день, в одно и то же время. И покупает всегда одно и то же: хлеб, молоко...

— Ну и что? - пожал плечами Неверов. — Может, это диета такая. Зинаида хмыкнула и продолжила.

Оказывается, следит она за соседями действительно давно и, надо сказать, взялась за них основательно (вот же нечем заняться человеку!). Она выяснила, что у детей Ивановых нет друзей: они никуда, за исключением, разумеется, школы, не ходят, и к ним никто не заглядывает. Зато учатся они прекрасно. Оба. Никто не может сказать, где же этот Иванов работает. Хотя работает он точно и, кстати говоря, возвращается всегда в одно и то же время, никогда не задерживается. Зинаида даже время засекала, когда он в магазин приходил (если учесть, что она в этом самом магазине работает продавщицей, сделать ей это было не сложно) — ровно в семнадцать ноль-ноль. Всегда. Ни раньше, ни позже. Он, оказывается, и обливаться выходит в одно и то же время, с точностью до минуты. Но это ещё можно понять, а вот что он и мусор выносит через день, в восемнадцать сорок пять... Вон, вон, как раз пошёл! Сколько на часах? Ровнёхонько без пятнадцати семь. Вот то-то... «Ну, ты сама чистая «шпиёнка», — язвительно заметил Неверов, — Может, ещё и проверила, что они там выбрасывают? Вдруг, гильзы от патронов...». И тут же получил холодный ответ, что он, мол, может смеяться сколько угодно, если сам не видит, что творится у него подносом. А она, Зинаида, конечно, проверила. Специально пошла, вынести мусор следом за соседом. И нашла... Четыре буханки хлеба, завёрнутые в газету...

— Так они что же, совсем, получается, не едят? — усмехнулся Неверов. Зинаида выпучила на него глаза, словно сама только что осознала суть всего ею же сказанного.

— Точно, — совсем тихо и таинственно произнесла она, поднимая к потолку указательный палец. — Они же НЕ ЛЮДИ!

— Оп-па! — умилился Неверов. — Сначала «шпиёны», теперь уже — нелюди. И кто же наши милые соседи? Уж не инопланетяне ли? Или, может, привидения? Только загримированные...

— Да они же роботы! — осенило Зинаиду. — Сам подумай: есть они не едят, действуют, как компьютеры... Машины, понимаешь? Эксперимент... Смотрят, как они могут жить в обществе...

— Ну, ты, мам, сбацила! — восхищённо сказал Костик. Он, оказывается, уже давно стоял, прислонившись к дверному косяку, и внимательно слушал Зинаидины рассказы. — А ведь вроде бы одну эту... «Санту-Барбару» смотришь, фантастикой не увлекаешься...

— Да какая фантастика?! — закричала Зинаида и вдруг, словно испугавшись, что её услышит кто-нибудь посторонний (и у стен есть уши!) убавила громкость: — Вы что, ничего не понимаете?! Может, нас всех скоро заменят ИМИ! Пока только присматриваются, а потом...

— Знаешь, Зинаида, — задумчиво сказал Неверов. — Ты бы на ночь читала всё-таки поменьше...

— Не верите, да? Ну и чёрт с вами! Только потом может быть поздно. И не говорите тогда, что я вас не предупреждала!

На следующий день Неверов пошел на работу и, конечно, не удержался, рассказал все другу Толяну. Толян смеялся так, что весь цех сбежался — требовать объяснения такому бурному веселью...

А когда Неверов возвращался домой, он увидел вдали Иванова. И вспомнил слова Зинаиды. Сам он обычно где-нибудь да задерживался; то с Толяном пивка выпьет, то заболтается с встреченным на улице знакомым...

— Эй, Иванов! — крикнул Неверов, пытаясь припомнить имя соседа. — Здорово, Иванов.

— Добрый день, — вежливо произнёс Иванов, не останавливаясь, словно боялся задержаться.

— С работы? - Неверов пристроился к его шагу и пошёл рядом.

— Да... С работы.

— И я с работы, — начало разговору было положено. — Ты кем?

— Что, простите? — не понял сосед.

— Работаешь, говорю, кем?

— А вы, простите, если не секрет?

— Какой уж тут секрет. Мы же не шпионы какие-нибудь и экспериментами тайными не занимаемся, — Неверов покосился на соседа. Тот к нагловатому обращению остался равнодушен и на провокацию никак не отреагировал. А чего он, собственно, ожидал? Поверил Зинаиде? Н-да, тогда в психушке их надо бы разместить по соседству. — Я-то на обычном заводе вкалываю. А ты, наверное, в университете, преподавателем? Или в школе?

— Да... В университете, — сказал Иванов, взглянул на наручные часы, извинился и быстрыми шагами пошёл прочь.

Неверов посмотрел ему вслед. Что это он так отреагировал на вопрос о работе? Темнит... Стоило только заговорить об этом, как сразу и убежал... Ага! Вот я тебя и раскусил, соседка. Работа-то у тебя не простая, а противозаконная... Правда, и чего это они такими правильными всем кажутся? Наверное, каждый вечер киоски грабят — вон сколько ограбленных киосков последнее время развелось... Ну, всё, можно Зинаиду успокоить...

— Ну, ты и дуб, — внимательно выслушав его, только и сказала Зинаида. Неверов пожал плечами и уселся на диван с газетой...

— Предки, — в комнату заглянул Костик, который, оказывается, уже вернулся из школы, — Там, у соседей твориться чё-то не то...

— У каких? — всполошилась Зинаида.

— Ну, у этих... Которые терминаторы, - пояснило единственное дитя.

— Началось, — ахнула Зинаида и бросилась к двери. — А ведь я предупреждала!

Неверов не особенно понял, что же именно началось, но последовал за ней. Однако каким-то непостижимым образом она оказалась у Неверова за спиной, но уже со скалкой в руке. Вооружилась!

В квартире Ивановых раздавались пронзительные скрипы и какие-то другие шумы неопределённого происхождения. Из-под соседской двери тонко струился изумрудный дымок. Неверов остановился в нерешительности. Пожар? Кто их знает, чем они там занимаются. Может, у них там лаборатория... Только что с того? Не влезать же им в чужую квартиру... Надо, наверное, пожарников вызвать...

Но, как оказалось, этим уже занимался Костик. А Зинаида, сжимая в руках свою скалку, словно двуручный меч, подталкивала его сзади: «чего встал?». Неверов, сам не зная зачем, шагнул вперёд, толкнул соседскую дверь, и она с жутким скрипом, словно в фильме ужасов, отворилась.

Дым был совсем не едким. Как это они сразу не заметили? Ну, Зинаида ясно — она занята своими роботами, но он-то... Впрочем, это ничего не давало. Потому что туман в квартирах, да ещё такого странного, изумрудного цвета, Неверову наблюдать не приходилось.

Зинаида снова подтолкнула его сзади, и Неверов неожиданно для себя оказался внутри. Зинаида сделала несколько мелких шажков за ним и тихо пискнула. Неверов развернулся и замер рядом с женой на пороге зала, посреди которого, на мягком ковре, лежал Иванов и пронзительно скрипел при каждом вялом движении. Голова у него была откручена и положена рядом с телом, сверкая металлической изнанкой, начинённой разноцветными проводками и микросхемами. Рядом сидела его жена и капала из маслёнки Иванову куда-то в область шеи, приговаривая: «Говорила я тебе, следи за своим здоровьем...».

Под потолком, со смехом к радостными воплями, кружились Ивановы-младшие. Дочка, сквозь которую просвечивала штукатурка, делала это самостоятельно, весело размахивая руками, словно птица. Позеленевший сын с шумом носился вокруг люстры, оседлав небольшой синий пылесос, который ревел почище реактивного двигателя и через шланг выпускал в воздух тот самый изумрудный туман, озадачивший Неверова с самого начала.

У Неверова вырвалось что-то неразборчивое, ругательное и удивлённое одновременно.

Иванова резко обернулась, только сейчас заметив присутствие посторонних. Маслёнка наклонилась, и из неё Иванову на рубашку капало янтарное масло. «Мог хотя бы дверь за собой закрыть!» --- раздосадовано укорила Иванова мужа и, выхватив странного вида пистолет, дала залп лазером по стене, в которой тут же образовалась дыра с почерневшими краями. Иванов-младший спикировал на Неверова сверху и, вильнув, ударил его шлангом по щеке, недовольно крикнув голосом Зинаиды:

— Просыпайся немедленно, засоня, кому говорят?! Неверов обалдело раскрыл глаза и увидел перед собой обеспокоенное лицо жены.

Так это был сон! Ну, Зинаида, совсем заморочила голову своими кошмарами!

— Ну, что стряслось? — с облегчением и долей недовольства поинтересовался он.

— Тебя не добудишься, — проворчала Зинаида, нервно сжимая в руках скалку. — Вставай, там, у Ивановых шум какой-то непонятный...

Письма

Рассказ

Его поймали при попытке своровать в магазине. Приволокли в участок. Забрали вещи для досмотра.

А среди вещей задержанного ничего интересного не было. Да и было-то совсем ничего. Только пара ключей, мятые листочки, да пухлая пачка конвертов.

Сержант Дмитрий Житин в мрачном настроении смотрел на эту грудку макулатуры и думал, что ему с этим делать. Он наугад взял из листочков клочок бумаги. На нём корявыми буквами было накарябано:

*«МИЛЫЙ МОЙ
Милый мой Паша,
Вспомни обо мне,
Когда солнце встает
Или взойдет луна,
Предложи мне дружбу,
Я так этого жду.
Предложи, подумал,
Я так тебя люблю.
Милый мой Паша,
Вспомни обо мне,
Когда ляжешь спать
Или встанешь утром,
Когда приснится сон в ночи.
Вспомни обо мне.
Твоя Лиза».*

Житин малость опешил, прочитав этот стишок. Ему даже стало противно, что вот он читает любовное признание какой-то дурочки, подобранное пацаном где-то на обочине (наверное, для самокрутки).

Житина больше тянули письма. Эта пухлая пачка, обвязанная верёвкой. Дмитрий воровато огляделся и вздохнул. Он совсем забыл, что сегодня все разошлись пораньше. Житин развязал верёвку и взял первое письмо. Аккуратно выведенные буквы на конверте бросались в глаза. И что самое интересное, выведен был только обратный адрес:

«г. Томск, ул. Ивана Черных. Смакотину Павлу».

Чуть-чуть поколебавшись, Житин вытащил помятый листок. Написано было так:

«Здравствуй, сестра!

Сегодня мне исполнилось 12 лет, и я спешу поделиться с тобой радостной новостью. Мне подарили велосипед «Кама». Все во дворе мне завидуют. Недавно познакомился с одним парнем. Его зовут Лёха. Мы с ним здорово веселимся.

Ну, извини, у меня дела!

Пока. Пашка».

Житин пожевал губу и взял другое письмо.

«Сестрёнка, привет!

Пишет твой брат Павел. У нас в Томске иногда так скучно, что хочется смыться в деревню, хотя у города пара преимуществ. Можно сходить в кино или в Горсад. Там побалдеть можно. К примеру, недавно я, Лёшка, Стае, Олег, Танька и Ленка пошли в Горсад. Вот была потеха. Сначала мы долго катались на «Орбите». Круто было. То поднимаешься, то опускаешься. И при этом так крутит! Потом повеселились на «Сюрпризе». Здорово было. Там тебя от скорости к стенке прижмёт, не пошевелиться. Там чуть меня не стошнило. Потом пошли гулять по городу. У нас кое-где на улицах стоят часы, и девчонки, увидав сколько время, заныли. Домой они хотят. Ну, мы дошли до ЦУМа и сели в троллейбус, или, как образно его называет Лёшка, в «чёрта рогатого». Но мы с Олегом, проехав немного, плюнули и слезли. Нам хотелось погулять. Во время нашей прогулки мы заходили в магазины, ларьки. В общем, балдели, как только могли. По дороге купили пару пистолетов (дома сказали, что выиграли в лотерее, и ты прикинь — поверили). Пришли домой. Я сразу полез к кофейнику. Жажда ужасная была.

Потом гуляли с собаками. У Лёшки породистый шиауцер — Рем (я кличу его Ромуальдо), у меня болонка — Синка (Лёха в отместку зовёт ее Фаитагеро, посмотрелись дети телика). Ну, мы стоим возле Лёхиного подъезда. Вдруг из него выползает Танькина мамаша и на меня:

— Ты это почему оставил мою девочку одну?

— Как одну? — удивился я, — а Ленка, Лёха, Стае? Она эдак ехидно на меня взглянула:

— Да? А отправляла я её с тобой, а ты с мальком гулять пошёл.

— Да, друг завтра уезжает. ДРУГ.

У меня на эту ехидну давно злость была. Только представь себе. У нас в школе были танцы. Ну, я с одноклассниками говорил. Начался медляк. Танька с Ольгой куда-то смотались. Ну, я стерпел. На следующий раз опять упёрла. Ну что такое? Но тут меня Козырь познакомил с другой девчонкой. Вроде ничего себе. Ну и танцевали всю вечеринку.

А эта ехидна на меня накинулась:

— Почему мою девочку не приглашал?

— Она уходила, — отвечаю я.

— Нет, она смотрела, как ты танцевал с другой, — упорствовала она.

— Ну, пригласил, а что?

— Но ей же было неприятно.

Я чуть не заорал: что, я уже обязан Таньке всем, я просил её руки, я обязан целовать под ней землю?! Слава богу, Стае меня успокоил. Да и сейчас эта ехидна нападала так, будто боялась, что мы ее пошлём, куда послали Ольку. Но не бойся, ещё пошлём. А ты представь, эта ехидна утверждала, что мы нигде не найдём таких девочек, как Танька и Ольга. Это мы-то не найдём? Мы всё найдём. Вот те крест. Будь уверена, твой братишка будет держать нос по ветру и больше не напорется на таких, как Танька.

Целую. Пашка.»

Житин отложил письмо. Ему было над чем подумать. Вроде у этого парня всё хорошо. Зачем воровать? Следующее письмо было таким:

«Привет, сестра!

У меня все о'кей. Но в школе проблемы. Особенно по алгебре и по ин-язу. Говорят, немецкий легкий. Учить совсем нечего. Да, посмотрел бы я на этих говорунов с нашей училкой. Она одно:

— Учить от сих до сих. И всё.

Ну, представь себе такое:

Warum mußt du mich von der Reise abhalten?

Я от такой, как говорится, ереси и тарабарщины чуть язык не сломал.

А с алгеброй ещё трудней. Её ничто не колышет. Недавно, проболев гриппом, прихожу в школу. Она требует показать ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ.

~ Я болел, как я могу показать? — я ей говорю.

~ Меня мало волнует, - отвечает, — ты не на необитаемом острове. Двойка!

Ну, убить готов её.

Сестра, в вашей школе кликухи учителям даёте? Мы так всегда даём с намёком.

Пример: русичка у нас то Лиля, то 220 Вольт (гнусный намёк на причёску). Чертёжник у нас — Циркуль (круглый болван). Есть географичка — Овчарка. Физичка у нас Termenator, но есть математик — Ёжик. Немка - Гестаповка и Фашистка.

В общем, семейка что надо.

Пока.Пахан».

Житин долго веселился над этим письмом. Он ещё помнил школьные годы и кличку своего классного руководителя — Крокодил.

А вот ещё одно письмо:

«Хай, сестра!

Сегодня мой самый торжественный день. Мне вручили паспорт. Новый, с гербом.

Было всякое: телевидение, газеты. Ещё бы. У нас первая школа, которой выдали паспорта. Ну, ты поняла. Играл оркестр (от его звуков инфаркт чуть не хватил). Нам торжественно давали этот документ.

Ну ладно. У меня рука устала писать.

Чао».

Житин все ещё недоумевал. Ну, зачем этому парню воровать? Вроде, у друзей всё в порядке, в школе тоже. Даже паспорт получил. Он решил пойти к парню и всё узнать.

Путь к камере короток - И вот Дмитрий уже смотрит в глаза Пашке. И вроде всё знает — и ничего не знает об этом пацане. Сам Павел выглядел на свои 15 лет. Но глаза... Нет, это глаза не подростка. В них читался опыт взрослого человека. Как будто это был 40-летний человек в теле 15-летнего. Житин устроился на скамейке и спросил:

— Зачем ты воруюешь?

— Чтобы жить, — ответил он, не задумываясь, — есть что-то ведь надо.

— Но родители?

— Пьют, — безразлично ответил он.

— Но в письмах у тебя этого нет, — начал было Житин.

— Вы читали мои письма? — ужаснулся паренёк, потом успокоился, — А, плевать.

Он действительно плюнул. Сержант не рассердился, а спросил:

— Зачем тогда пишешь, если пишешь неправду?

— Чтобы надеяться, — ответил мальчик и взглянул на него взрослыми глазами, — на такую жизнь, как в письмах.

— И сестра тебе верит?

— Её нет. Я придумал её, чтобы хоть кому-то рассказать свои мечты.

Дима задумался. Парень действительно доведен до предела, если придумал такое. Теперь стало ясно, почему на конверте был только обратный адрес. Письмо НИКОМУ НЕ ПРЕДНАЗНАЧАЛОСЬ.

На следующий день Павла выпустили. Он вернулся в свою семью. Больше они не виделись, хотя сержант дал пареньку свой адрес. Так, на всякий случай...

Через месяц Дима узнал, что он покончил жизнь самоубийством. Повесился. Похороны прошли быстро. Житин был на них.

Однажды Житин, вернувшись домой, увидел, что его почтовый ящик плотно набит. Открыв его, Житин увидел письма. Те самые, что написал Пашка. У писем появился адресат. Значит, была надежда?

Марина Рыболова (школа № 32)

Храбрецов остаётся Храбрецовым

За минуту до начала урока в класс вошёл незнакомец. Он был не худ и не полон, не высок и не мал. В меру широкие плечи говорили о его способности переносить трудности жизни. Цвет лица свидетельствовал о знакомстве с солнцем и ветром. Взгляд оставлял приятное впечатление.

Пиджак незнакомца был застёгнут на все пуговицы. Воротник ослепительно-белой рубашки изобличал привычки порядочного человека. Начищенные до алмазного блеска ботинки заявляли о любви к чистоте.

Незнакомец снял с головы цилиндр, поклонился всем и устало прошёл к Храбрецовской парте.

Только тут в нём признали Кольку Храбрецова. Девчонки прыснули. Мальчишки побелели, кто-то из них покрутил пальцем в области виска и присвистнул.

Рисунок Иры Войтик, 14 лет (школа искусств п. Зональный).

Прозвенел звонок. Появилась Жанна Александровна.

— Бонжур!.. — весело начала она, но, заметив Храбрецова, быстро перешла на русский.

— Что это? — растерянно спросила она.

— Это Храбрецов, — подсказал кто-то с первой парты.

— Храбрецов? — удивлённо переспросила Жанна Александровна. — Господи ты, боже мой!.. В чём дело, Храбрецов?

Храбрецов вежливо поклонился.

— Я наконец-то решил стать человеком! — гордо заявил он.

— Ну, знаешь ли! — печально сказала Жанна Александровна и села на стул.

— Нет сегодня на планете человека серьёзнее меня! — радостно сказал Храбрецов.

— Я рада, - сказала Жанна Александровна. В глазах её блеснули слёзы. — Я оч-чень обрадовалась.

Она заплакала. Он растерялся.

— Жанна Александровна, — начал оправдываться Храбрецов, - я дохлых мышей больше приносить не буду! Честное слово! Я ведь по дипломатической линии решил пойти!

Она вздрогнула и зарыдала ещё сильнее.

— Боже мой!.. — повторяла она. — Боже мой!.. Что за класс!.. Что за люди! Они меня ни во что не ставят!

Её слёзы собирались в озерцо на столе и маленькими ручейками стекали на пол. Девчонки ядовито посмотрели на Храбрецова. Мальчишки показывали ему кулаки.

Храбрецов сел, потом встал, потом опять сел и понял, что Жанна Александровна и класс никогда не воспримут его в качестве серьёзного человека. Он расстегнул пиджак и сказал:

— Жанна Александровна! Простите меня, дурака ненормального! Шутка не удалась.

Жанна Александровна вытерла глаза платочком и сказала:

— Подарок ты с бантиком!.. Совесть имей! Эх, когда ты только человеком станешь?..

Та ещё работёнка

Здравствуйте, детишки! Это я, Дед Мороз! С Новым годом вас! Я принёс подарки, давайте встанем в хоровод, споём песенку про ёлочку... Вы ведь знаете песенку про ёлочку? Девочка в форме снежинки, ты чего плачешь? Подарок хочешь? Ну, на конфетку. Зачем ты её выплюнула? Собачку хочешь? Да где ж я её возьму?.. Где-где?! Ну, девочка... Мальчик в очках, зачем ты кусаешь Снегурочку? Выпить не дала?! Так, забирайте свои подарки, а мы сматываемся, нам ещё в сауне депутатов развлекать!..

О, сладкие миги побед!

Господи, опять это мучительное утро! Встать, приготовить завтрак для мужа и дочки, а потом ещё и навести марафет! Так: блинчики с мясом, яичница, апельсиновый сок, кофе... И как они едят эту дрянь? Всё, я свой долг выполнила! Хотя, нет... Ещё же пирожки с папоротником! Бр-р-р, какая гадость! Может, и мне съесть кусочек? Ну, нет, милочка, ты же на диете! Разве? Ах, да, я и забыла, что до мировых стандартов мне ещё сантиметров двадцать (во всех местах!). Ладно, пойду одеваться.

И что же мне надеть? Жёлтый костюм? Нет, такие сейчас не в моде. Зелёный? Ты что, он же не подходит к цвету глаз шефа! Чёрное платье? Стоп, откуда оно у меня, я ведь не люблю чёрный? А, это шкаф мужа... Что ж, пойдём к себе. Да, эта красная кофточка и юбка неопределённого цвета — лучший вариант! Теперь немного косметики, слоя три-четыре, и можно идти на работу, по дороге придумывая причину опоздания. Скорее всего, у меня умер очередной попугайчик (упал в кастрюлю, борщ получился очень наваристый), я ходила на его похороны и задержалась на поминках. Очень правдоподобно!

Шеф, смакуя валидол, предупредил меня, что ещё один попугайчик, и я пойду на его, шефа, похороны. Какой-то он нервный сегодня. Наверное, с женой поссорился. Мегера она у него.

Пришла домой, а дочь объявила забастовку. Вместе с папочкой. Я, видите ли, плохо с ними обращаюсь. Собираются писать письмо в ООН. Я решила, что забастовщикам обед не нужен, и села смотреть телевизор. Через два часа они ползали вокруг меня на коленях и просили прощения. О, сладкий миг победы!

Воскресенье. Можно ничего не делать. Хочу пить. Но никто не подаст мне стакан сока, все на футболе. А я лежу одна, наверняка с температурой... Ну, конечно, 36,8! Надо поспать.

Решила сходить в магазин. Благо у мужа была полочка. Интересно, сколько стоит этот халатик? Сколько? 50 у.е.? Муж будет счастлив!

Выходя из магазина под кодовым названием «Форум», секретарша Пупыркина Н. И. столкнулась с самосвалом. У Надежды Иннокентьевны сломана правая рука и вывихнута челюсть, водитель в реанимации, машина восстановлению не подлежит.

Свет в ночи

Катя внезапно проснулась и села на кровати, испуганно оглядываясь по сторонам. Ей показалось, что только что она услышала какой-то странный звук, который и прервал ее сон. Но сейчас вокруг стояла гнетущая тишина. Как будто кто-то или что-то, что заставило её проснуться, затаилось, готовясь к нападению. Вдруг к свету фонарей за

окном добавилось непонятное зеленоватое свечение. Катя уловила краем глаза какое-то движение и заставила себя повернуться к окну.

Ей показалось, что она успела ухватить взглядом движение большой тени за окном. Да! Катя была просто уверена в этом! Там было Нечто, пришедшее вместе с лучами зеленоватого сияния.

«Пить надо меньше!» — услужливо подсказал внутренний голос, и всё провалилось в темноту.

Воры и кактусы

Почти не выдумка

У нас дома огромная коллекция кактусов. Она у нас стоит в прихожей. Кактусы все разные, и каждый из них имеет своё имя.

Есть у нас кактусы не больше напёрстка, хотя им уже по 20 — 30 лет. А среди больших кактусов я однажды построила домик для куклы. Папа говорит, что эти кактусы в нашей коллекции похожи на джунгли, но вместо лиан у них длинные-длинные иглы. Бедная моя кукла! Нелегко, наверное, жить среди колючек, хоть и интересно.

Рисунок Насти Самбук, 15 лет (школа искусств и. Зональный).

И вот однажды я, как всегда, играла в куклы в домике из кактусов, и вдруг в дверь позвонили. Дома я была одна. Сперва я подумала, что папа опять забыл дома ключи, и после очередного звонка пошла открывать дверь. Да не тут-то было! Посмотрела я в глазок, а там два незнакомых дяди замок портят. Я испугалась, хотела в милицию звонить, да не успела, и тогда я спряталась под стол и стала ждать.

Дверь потихоньку отворилась, и дяди вошли в квартиру. Они долго ходили по заду, кухне, заглянули даже в мою комнату, но меня не заметили. И вот когда они уже собрались уходить с награбленным добром, я как закричу: «Всё равно мы вас поймем, никуда вы от нас не денетесь!» А сама думаю: «Какая же я дура! Они ведь меня теперь в заложники возьмут...»

Но, к моему удивлению, один из воров ка-ак сядет на кактусы от неожиданности (они ведь думали, что дома — никого) да ка-ак заголосит во всю силу!

На его крик соседи прибежали и милицию вызвали...

Так наши кактусы поймали воров, спасли наши вещи, да и меня в придачу. Я пошла, взглянуть на героический кактус, и вдруг слёзы хлынули у меня из глаз. Соседка тётя Наташа долго пыталась меня успокоить, но это ей не удавалось, и я проплакала до прихода мамы. Нет, причиной моих слёз был не испуг. Просто вор, сев на кактус, сломал мой чудесный кукольный домик!

Володя Щербинин (*школа № 14*)

* * *

Я размышлял в деревне летом,
И мысль моя была ясна:
Умрёт, погибнет без поэтов
Моя любимая страна...

* * *

Я свет гоню и оживляю свечи.
Мне пьяный странник-дождь стучит в окошко.
А я сажусь поближе к старой печке,
Беру гитару, глажу, словно кошку...

Песенка бомжа

Пуста моя душа,
По телу бродит вша,
В кармане ни гроша,
И мысль лишь о еде.
По городу брожу,
В чем радость нахожу,
По дому не тужу:
Мой дом сейчас везде...

Пойду я на вокзал,
Ну, или на базар,
А там всегда «аврал» —
Я руку протяну...
Вот несколько монет
На водку и на хлеб,
На пару сигарет —
Как славно, ну и ну!..
Пусть это будет грех,
Но мне плевать на тех,
У коих всё — успех,
И я таким бывал...
Но в жизни, как всегда,
Приходит к нам беда,
Нет денег — ерунда,
Жаль, счастье потерял...

Окно

Есть у меня в комнате окно... Старое такое, ворчливое. Сидишь за столом и слушаешь, как оно ворчит:

— Никто меня не замечает, никто про меня хорошего не говорит.

Не очень приятно слушать. Но окно говорит правду. Ведь смотрят вроде на него, а говорят о другом, например: «Какая сегодня хорошая погода!» А окно только ругают: «Фу, стёкла ужасно грязные!»

Но бывают в его жизни и небольшие радости. Зимой мы вставляем вторую раму. Окошко радуется: «У меня появился друг!» Или мама помыла окно и сказала: «Какое чистое!» У него чуть стекло из рамы не выпрыгнуло от радости.

А один раз ядохнула на стекло и начала рисовать. Тут же слышу: «Вот, теперь я — мольберт, не хватает только красок и кисточки». Ох, как оно злилось, когда я стирала свои художества!

А бывает, моё окно надуетя и целую неделю не разговаривает...

* * *

Я лежу в малиновой беседке,
В тишине безмолвной отдыхаю.
Миру я нисколько не мешаю,
От него меня закрыли ветки.

Туман

Проснувшись ночью,
Я открыла ставни дома своего.
В пространстве,
Легком, белом,
Очутилась я.
Я очутилась, словно
В белом волшебстве,
И мне приснилось,
Что живу я в грёзах.
Когда рассвет настал,
Исчез туман и слёзы.

Он и Она

Жила-была девчонка. И однажды она придумала себе Гитариста. Она очень любила его. Плакала о нём по ночам. Просто ждала. Просто мечтала. Просто любила.

А где-то рядом жил мальчишка. Он играл на гитаре. Придумал себе девчонку, которая любила бы его, слушала бы мелодии, которые он насвистывал, играя на гитаре. Он очень любил эту свою девчонку. Просто ждал. Просто мечтал. Просто любил.

И вот однажды они повстречались. Совсем случайно. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Я тебя люблю». Он посмотрел ей в глаза и сказал: «Я тебя люблю». Они взялись за руки и пошли по усеянной звёздной пылью дороге.

Но случилось — девчонка повзрослела. Поняла, что нельзя всю жизнь просто мечтать. Она посмотрела ему в глаза и сказала: «Прощай». Он посмотрел ей в глаза и сказал: «Прощай». И они расстались.

Но однажды, через годы, пролетевшие так же быстро, как и их случайная любовь, девчонка вспомнила мальчишку. И сказала себе: «Я его найду».

Мальчишка тоже вспомнил девчонку и сказал себе: «Я её найду».

И они пошли искать. И нашли друг друга. Он обнял её крепко-крепко и сказал: «Никуда тебя не отпущу!»

И она навсегда осталась в его объятьях. И больше никуда не уходила. Потому что любила.

А потом они взялись за руки, и пошли по усеянной звёздной пылью дороге...

Сказка, увы...

* * *

... Я вижу, что издалека
От полководца бравого,
Течёт река, бежит река —
Кровавая...

* * *

В пьяном отблеске заката,
В смутном лике фонарей
Пляшет множество огней.
Ты так рад. Я тоже рада.
Стонет сонная цикада...
Нас волнует только лето,
Нас волнует только вечность,
На вопрос не жди ответа,
И не прячь свою беспечность.
Мы заснём, востоком пленны,
Вместе — будем откровенны.
В смутном лике фонарей
Пляшет множество огней!..

* * *

Не видя преграды
Не зная печали,
Мысли стремились ввысь.

Чайки кричали
Там, на причале, —
Время остановись!
Я к солнцу летела,
Безудержно, смело,
Крыла не боясь опалить.
За солнечный лучик
Схватила полутьму,
Чтобы Земле светить.

Ночь

Ночь на земле поудобней устроилась,
Вытеснив солнца лучи.
Мрак с нею рядом лёг.
Всё успокоилось.
Тихо. Ни звука. Молчи.

Звенит тишина и над миром несётся,
Сверчки подпевают ей.
Луна над влюблёнными тихо смеётся,
Поёт свою песнь соловей.

Тысячи звёзд зажглись над землёй.
Тысячи? Что ты! Больше.
Много их. Сколько?
Не счесть нам с тобой.
А всё ж посидим, посчитаем подольше.

Диалог любви

— Губы... и глаза...
— Я - за!..
— И лицо напротив...
— Не против!..
— Ты ко мне придёшь?..
— Ты ждёшь?
— А ты не знал?
— Я ждал...

* * *

В глазах — пустота и ночь,
На сердце — дождь ледяной...
Уйди от меня прочь!
Пусть небо меж нами — стеной.
Пусть звёздочка каждая разом
Встанет меж мной и тобой...
На мне от тебя столько грязи!
Попробуй теперь — смой!

* * *

Старые деревья с грачьиими гнёздами,
Поросшие зелёным мхом,
Кусты боярышника, ветхий дом,
Хмурое небо с тусклыми звёздами.

Слёзы ливня на мягкой траве
Или же просто роса...
Почему-то не спится сове,
Тревожно горят глаза.

Скоро кончится ночь в лесу,
Полном тайн и волшебных грёз.
В кузовке я домой принесу
Просто гриб вместо белых роз.

* * *

Улыбнись мне ласковой улыбкой весны,
Вплети в мои волосы первые травы.
Как солнце, как ветер, мы влюблены,
Мы счастливы, значит, — мы правы!..

Нина Кривцова (гимназия № 1)

* * *

Песок, как будто золотой,
Осенним солнышком согретый,
Лежит на горочке крутой
Напоминанием о лете.

Про букашку Наташку.

Букашка Наташка глодала листок.
С букашкой Наташкой играл ветерок.
Букашка Наташка упала с листка.
Да-а... Участь букашки Наташки горька.

* * *

Над селом под осень
Тучи, облака.
Где-то за туманом
Прячется река...
В этот день дождливый
Скукота в селе.
Нету тише в мире Места на земле.

Болото

Вокруг него не лес —
Лишь низенькие деревца.
Но в болоте много чудес,
У болота своя красота!
Бледные твои ягоды...
Водянистые, с жёсткими семенами.
Ковром лежит мох с хвоей...
Болото бережёт их годами.

Рисунок Даши Львовой, 10 лет (школа искусств п. Зональный)

Лена Рязанова (школа № 6)

Что из чего

Пуховик — из пуха,
Снеговик — из снега.
А луна — из солнца,
А река — из неба.

Грач и врач

Весенняя птичка грач.
В белом халате врач.
Грач прилетает весной.
Врач прибегает зимой.
Грач маленький, чёрный такой.
Врач белый, серьёзный, большой.
Увижу грача — смеюсь.
Увижу врача — боюсь.

Настя Ануфриева (гимназия № 6)

Если сильно захотеть

Если сильно захотеть,
Может человек взлететь.
Через море, через горы,
Через лес перелететь.
Если сильно захотеть,
Можно и не умереть.
Можно душу всем согреть —
Этими стихами.
Так пишите с нами!
Нужно только захотеть!

Художник

Белым мелом на заборе
Я рисую лес и горы,
Небо, реки и цветы,
А среди природы — ты.

Неожиданная находка

Я нашла тебя в капусте.
Как нашла, так стало грустно.

Олень и корова

(Стихи о свободе)

Олень и корова — разные вещи.
Олень коровы гораздо резче.
Видит олень пень — и к нему,
А корова в хлеву — только:
«Му! » да «Му! ».

Неудавшееся свидание

Как-то в белом свитере
Дожидалась Витю я.
Витя не приходит,
Мимо не проходит.
А когда уже пришёл,
Меня дома не нашёл.

Тени

Куда вы идёте, волшебные тени,
И что вы молчите в ответ?
А где вы живёте, безмолвные тени?
Быть может, я знаю, иль нет?
В стране вы теней проживаете дальней,
В чудесной, волшебной стране...

* * *

Прекрасная волшебница Зима
Украсила деревья и дома,
Легко касаясь стен и крыши,
Но люди этого не слышат...
Она по городу идёт
И белую метлой метёт.
Снежинки в воздухе кружатся
И тихо на кусты ложатся...

Ледоход

Ледоход, ледоход — сто один пароход,
Мощных льдин разворот,
Всё куда-то несёт,
Словно тучи, бегут, как паромы, плывут
Эти глыбы: и замки, и чудища.
Тихо-тихо плывёт по реке ледоход,
Через день всё пройдёт, всё, конечно, пройдет,
Только в памяти нашей останется.

* * *

Свесилась над полем
Радуги дуга.
Красная рябина,
Жёлтые стога.
Маленькая речка,
Старый дачный дом.
Здесь с тобою вместе
Лето проживём.
Этот домик скромный
Над речной водой.
Сизый дым клубится
Тихо над трубой.
В доме были только
Печь да кочерга.
А вокруг раздольно

Пела песнь тайга...

Лето

Запахло днями летними,
И солнышко сияет.
Мальчишка босоногий
Из речки выбегает.
Я так хочу, мечтаю я,
Чтоб лето не кончалось,
В объятьях тихих вечера
Со мною не прощалось.

Саша Скиданов (*школа №14*)

* * *

Тысячу лет мы — прахом над городом.

Тысячу лет мы тени умерших людей.

Мы мраком таим старину.

Хранители мы извечных

секретов, загадок и тайн.

Загадок Вселенной, Секретов кристаллов

И тайны небес...

Все эти секреты и тайны

Не сможет узнать человек.

Саша Чусовлянов (Зырянская средняя школа)

Ночь

В белую ночь я смотрю на луну,
Звёзды мерцают, и неба не видно.
Дым из трубы парит в небеса.
Что ли не спать? Красу наблюдать?
Но закрылись глаза, и стало обидно.

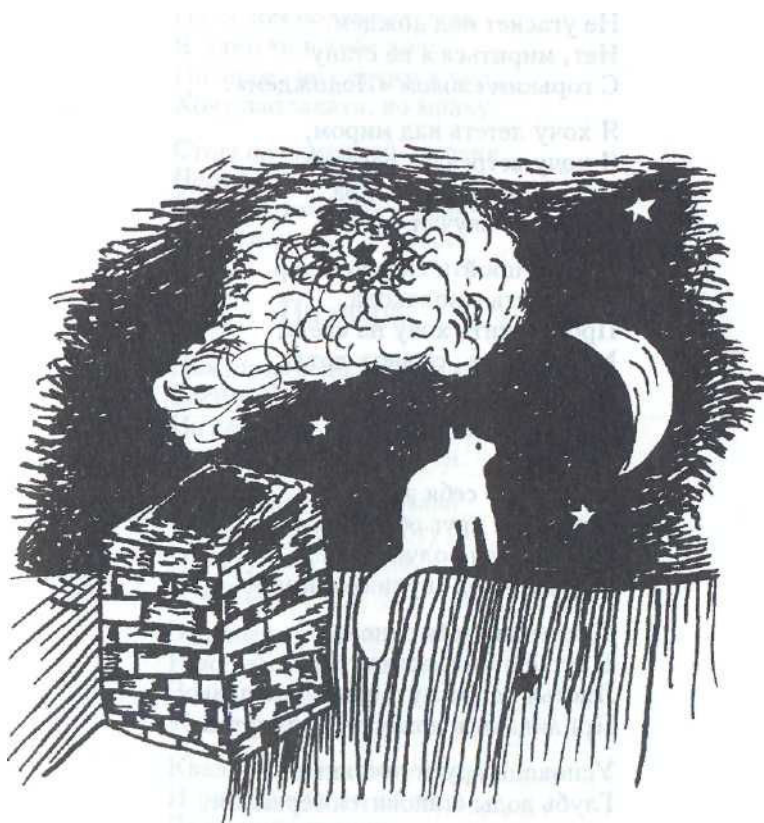

Рисунок Даши Львовой, 10 лет (школа искусств п. Зональный).

Оля Фурса (школа № ?)

Хочу пройти сквозь ветер

Ветер рвёт на части небо,
Пробирая до костей.
Я иду сквозь быль и небыль,
За мечтой иду своей.

Воля — камень, жизни пламя
Не угаснет под дождем.
Нет, мириться я не стану
С горьким словом «Подождём».

Я хочу лететь над миром,
Я хочу встречать рассвет,
Я хочу, чтоб пела лира
И в душе звучал сонет.

Я хочу пройти сквозь ветер,
Зазвонить в колокола,
Просто жить хочу на свете,
Может быть, сгореть дотла.

* * *

Открываю себя заново,
Размыкая круг обертонами —
И душа моя полусонная
Оживает под звуки органные.

Открываю себя заново
В затаённом дыхании осени.
Листья лет на пути моём брошены.
Прилипают к ногам они намертво.

Успокоив круги отчаянья —
Глубь воды становится зеркалом,
Заглянув в неё за ответами,
Открываю себя заново.

Утро без тебя

Проснулся дымкою туманной
Прозрачный розовый рассвет,
А я стою над океаном
И на вопрос ищу ответ.

И скалы холодом овеяны

И я не чувствую себя.
Всё одиноко и рассеянно,
И не хватает мне тебя.

На белом облаке отсюда
Я улететь к тебе хочу,
Но знаю: не случится чуда,
Хочу заплакать, но молчу.

Стою на каменной ступени,
Передо мною океан,
Волна кусает мне колени.
Вода, и холод, и туман.

Палитра

Дожди из седых преданий
Восстали, синим дождём,
Из глубины мирозданий
Звучит сиреневый гром.

Покров ночного тумана
Хранит в *себе* красоту,
И в глубину океана
Душа роняет мечту.

Зелёных трав бесконечность
И жёлтых листьев печаль.
Зовет холодная вечность,
И меркнет синяя даль.

Квадрат сомнения тесен,
И рвётся мысль из оков
Палитрой утренних песен
И яркой радугой снов.

* * *

Иногда так хочется
Просто быть одной.
Враг мой — одиночество —
Близок мне порой.

В эту ночь бессонную
Разве нужно «мы»?
Сквозь стекло холодное
Я смотрю на мир.

Оживает в памяти
Бег минувших дней.
Завтра будет радостней,

Но сейчас теплей.

Друг мой — одиночество,
Не бросай меня,
Иногда так хочется
Не гасить огня.

* * *

От заката до рассвета — ночь,
От рассвета до заката — день.
От себя я улетаю прочь,
Оставляя на земле тень.
По канату тонкому иду,
Не боясь паденья с высоты.
Даже если вниз я упаду,
Жить на этом свете будешь ты.
Грусти пелена туманит взгляд.
Где же мне найти тебя, мой свет?
Не подскажет это мне закат,
Не прошепчет это мне рассвет.
Ты, луна, тоски и света дочь,
Я — твоя невидимая тень.
От заката до рассвета — ночь,
От рассвета да заката — день.

* * *

Луч из зеркала небес
Опустился,
В синей глади тёмный лес
Отразился.
Голубые небеса —
Бесконечность.
Парусами облака
Ловят вечность.
Красных отблесков зари
Не дожидаться,
От зимы и от земли
Оторваться,
Распахнуть окно души
И с весною
До заката улететь
В голубое.

* * *

Я поднимаю руки к заоблачному небу,
Сезон дождей.
Ложатся мне на плечи свинцовые рассветы
Чужих идей.
Свобода иллюзорна, и замкнуты навеки
Дорог круги.

Я золотом осенним отдам кварталу лета
Свои долги.
И просит откровенья банальная подруга —
Моя душа.
Я снова поднимаюсь и бегаю по кругу,
Вперед спеша.
Полёт звезды не вечен, разбиться каплей света
Её судьба.
Набросив мрак на плечи, уйду в осенний вечер
Искать тебя.

Ирина Лузина (Северск, школа № 78)

* * *

Звучит мелодия, придуманная Григом,
Проста и лаконична, словно снег.
Рояль рождает звуков переливы,
Фантазию пуская в тихий бег.
Струится пьеса чисто и спокойно,
Как ручеёк, журчащий по весне.
Я растворяюсь в музыке невольно,
И дивный сон спускается ко мне.

* * *

Я — лист. Я стар.
И наступает осень.
Приходит время умирать.
И вот решил я на прощанье
Надеть свой праздничный наряд.

Да, скоро я засохну и увяну,
Упав на землю.
Что ж, видать, судьба.
Но, может быть, красой своей прощальной
Кого-то вознесу на небеса.

Даша Попова (школа №14)

Тигровая лилия

Лилия тигровая
Цветёт среди цветов,
Как тигр притаившийся
Сидит и ждёт луны.

* * *

Вот двойка в тетради —
Какая печаль!
Но огорчаться не надо:
Представь, что в тетради,
Как по волнам,
Плывёт не двойка, а лебедь;
Прекрасный и белый.

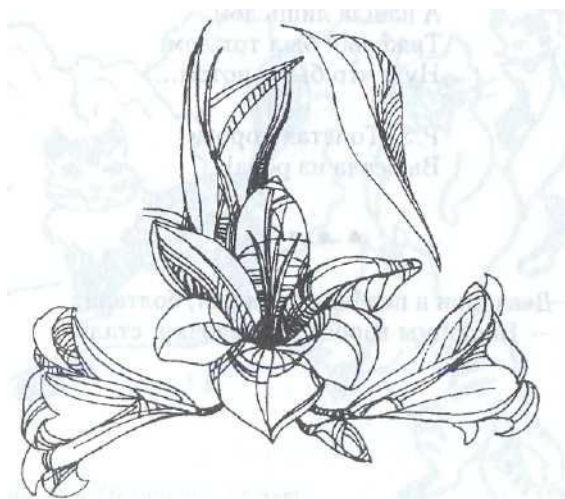

Рисунок Е. Некрыловой.

Владимир Родин (школа №14)

* * *

В комнате тишина.
Длится бесконечность.
Тишина, она
Жуткая, как вечность.

* * *

Солнце светит ярко.
Вот уже доярка
Вывела коров.
Толстая корова
Вдруг упала в ров!
Солнце светит ярко.
Бедная доярка
Побежала в дом.
Ничего там не нашла,
А нашла лишь лом.
Тяжёлый был тот лом.
Ну а что было потом...!

P.S. Толстая корова
Вылезла из рова!

* * *

Девчонки в пелёнках лежали, болтали: —
Какие мы взрослые, девочки, стали!

Наташа Лоскутова (школа №14)

Утро

После долгой ночи
Утро наступило
И прекрасным светом
Небо озарило.
Заблестели на траве
Милые росинки,
И маленький паук
Зевнул на паутинке.

* * *

Бедную кошку
Достали коты
И понемножку
Загнали в кусты.
Кошка орала,
На помощь звала
Ну а сама же
Не против была.

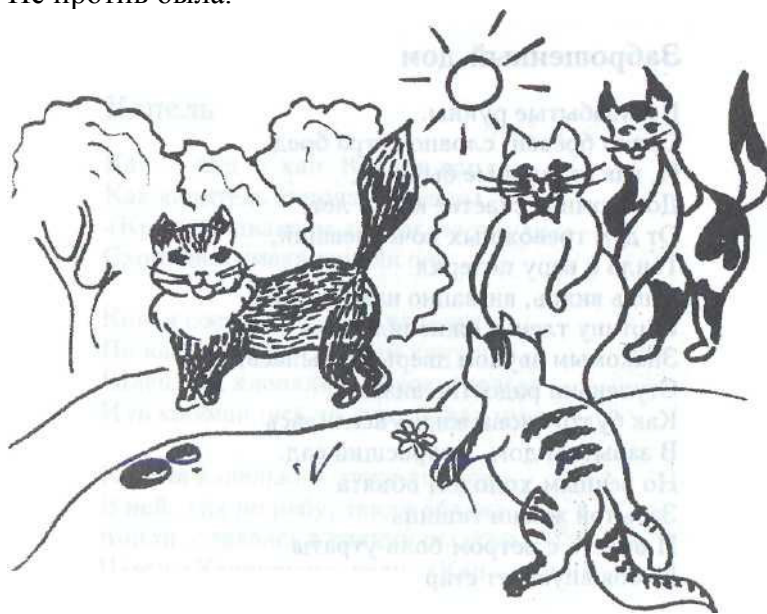

Рисунок Ани Погоцкой, 12 лет (школа искусств п. Зональный).

Олеся Головацкая (*гимназия №6*)

* * *

Опять лечу с шестого этажа,
Снежинкою упитанной кружа.
Целую воздух, слизываю мрак
И в небесах смещаю зодиак.
Ногтями выковыриваю звёзды,
А облака мои щекочут ноздри.
И лёгкий ветерок волнует грудь...
О Боже мой! Как хочется чихнуть...
Апчхи!.. А где призыв ко здравью?..
И падаю на гравий я...

Очнулась. Те же пол, кровать,
А сердцу хочется летать,
В экстазе бешено визжа,
Опять с шестого этажа.

Заброшенный дом

Полузабытые руины.
Скрип брёвен, словно ветра бред,
И, как старинные былины,
Дом помнит счастье юных лет,
От дум тревожных почерневший,
Тепло и веру потерял.
Лишь вихрь, внезапно налетевший,
Картину тленья оживлял:
Знакомым звуком дверь открылась,
Ступеньки радостно визжат,
Как будто снова жизнь вселилась
В забытый дом, в заросший сад.
Но вечным холодом объята
Забытой жизни тишина.
И вместе с ветром боль утраты
В себя впускает старина.

Тень

Даже издали видна –
Грациозна и стройна,
И черна, как африканка,
Но за мною, как служанка,
По пятам спешит она,
Трауром освещена.
Высока и длиннонога.
Но бесследно по дороге

Параллельно горизонту
Сей безликий гордый контур
Плавно шествует... Богиня!

Топ... И образ, что доньше
Мне казался идеальным,
Рухнул от сапог случайных.
И бесформенной амёбой
Стала смуглая особа:
Потеряв былую власть,
Королева растеклась...

Капель

Кап — кап — кап. Капали капли,
Как канитель капризули весны.
«Крупно накапаем людям, не так ли?» -
Скопищем смеха кипели они.

Копья сосуллек скупую капелью
По капюшонам и кепкам копуш
Шлёпали, хлопали звонкою трелью
Иль копошились по лужам, как пунш.

Капали капельки в лужу-копилку,
В ней, как по небу, текли облака.
Капли, сливаясь в сиянии пылком,
Пьесу «Каприччио» пели: «Кап — кап!»

Весенняя пьеса

Коснусь струны, и тихий нежный звук
Заплачет в равнодушной тишине,
Но упадёт, услышав сердца стук,
Снежинкой тающей в ладонь ко мне.
Коснусь струны дрожащею рукой,
Отвечу ей печалью на печаль,
И новый звук с душевною тоской
Умчится безвозвратно вдаль.
И задрожит в рыданиях гитара,
Летят аккорды, как осколки темноты.
И кажется, меня постигнет кара
За то, что слепо верю я в мечты.
И ураганы мелодичных нот
Играют мною, словно ветер пухом,
И, кажется, что я взлечу вот-вот,
Как только соберусь и с силами, и с духом.
Танцуют пальцы, бегают по грифу.
Душа, как пьеса, удивительно грустна.

Я к чувствам сердца подбираю рифму.
Ах, что со мною делает весна!

Comme il faut

Посвящается Ю. И.

В руке корёжится мордашка сигареты...
И, ярость с пеплом стряхивая в Лету,
Эмоции учусь дрессировать:
Едва почувствую, что хочется рыдать,
Визжать, плевать в авторитеты,
Я скрою всё за дымом сигареты,
Достигну идеала своего:
Бездушного презренья *comme il faut*
(Заимствуя из лексики Толстого)...
Где спички? Глаз слезится снова!

Третий закон Ньютона

$$F_1 = -F_2$$

Ты чистишь зубы пастой «Blend-a-med»,
А я их скалю в пасмурной улыбке.
Ты — обольститель, франт, интеллигент,
А я — на человечестве ошибка.

Ты ценишь в людях пухлый кошелёк
И беспроблемный аромат «Rexon'ы»,
А я чуждаюсь их, бросаюсь наутёк
От кровью пахнущей людской колонны.

Твой идеал — курагинская блажь
И долоховский риск — идти по краю.
А я несую, как скомканный багаж,
Мечты, чью утопичность не скрываю.

Ты веришь в завтра, мыслишь набекрень,
Хотя без «Sprite'a» всё берешь от жизни.
А я не помню ни число, ни день,
Живу в однообразном катаклизме.

Но мы с тобой по модулю равны:
Погодки и подневки — как всё сложно!
Мы даже одинаковой длины,
И оба друг для друга невозможны:
Без модулей мы противоположны,
А «плюс» и «минус» в сумме стать нулём должны.

Утрирую

Сотню часов
я тебя ждала,
Сотнею слов
плоть свою кляла,
Сотый «авось»
переполз в «нельзя»;
Сотый Христос,
где моя стезя?

Сотый удар -
я опять жива;
Сотнею чар
запах ПВА.
Сотый плевок —
подставляй лицо!
Сотовый бог
любит подлецов.
Сотнею истин
жизнь стала мудрей.
Взнос за убийство —
от сотни рублей.
Сотая рюмка
спасает от правды
В сотый раз жутко:
зачем это надо?

Лето

Грязью невымытых ботинок,
Золотом солнечных дней,
Шорохом грязных корзинок
Лето мы ждём у дверей.

Треском горящих поленьев,
Звёздами, рвущими тьму,
Шёпотом строк вдохновенья
«Здравствуй!» — мы скажем ему.

Брызгами речки любимой,
Веером пестрых лугов,
Радостью неутомимой
Лето подарит нам кров.

Жёлтою дымкой прощанья,
Ветром и стоном листвы
Гаснет в душе «До свиданья!»,
Словно засохшее сердце травы.

Ира Кошель (школа №14)

Вот

Вот осталась лишь заря.
Вот и случилось — я твоя.
Светит ярко мне заря.
Где же ты? Не знаю я.

Бес

Лучик, лучик от небес,
Подошел ко мне, как бес.
Зря взялась его ругать.
Что же сделаешь опять.
Может, он и бес,
Только от небес.

Лена Жданова (школа №14)

Зима

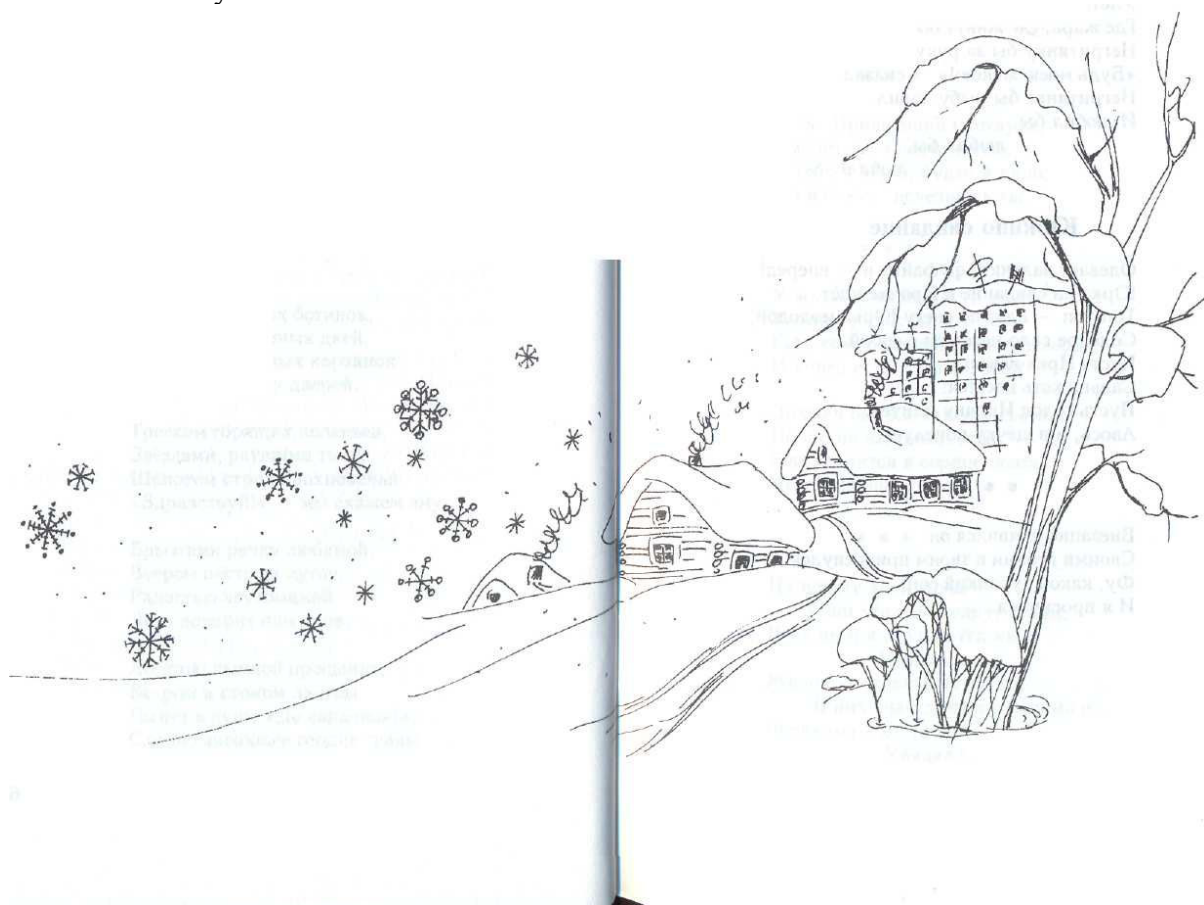
Я люблю тебя, зима,
Твой весёлый нежный пух!
Он ложится на дома,
Словно высказанный вслух.

Катя Гуранова (Заозёрный архитектурно-художественный лицей)

Снежинки

Летят снежинки кружевами
Над белоснежными полями.
Летят снежинки белые,
Нетронутые, смелые.

И как будто хочет мне
Что-то важное сказать.
Неужели никогда
Не смогу его понять?..

Ковёр-самолёт

Я хотел совершить бы полёт,
Сев на дивный ковёр-самолёт.
Улететь бы в далёкие страны,
Где жара, где живут обезьяны!..
Негритянку бы за руку взял.
«Будь моею женою!» — сказал.
Негритянке бы рыбу ловил.
И любил бы,
 любил бы,
 любил!.

Юркино свидание

Одевает валенки, фуфайку и — вперед!
Юрка на свидание к Ирочке идёт.
Топ-топ — идёт по снегу Юрка молодой,
Солёное сало несёт он с собой.
Пусть Ирка-невеста
Сальца хоть наестся!
Пусть голод Ирочку минует.
Авось, и в щёчку поцелует.

* * *

Внезапно появился он.
Своими губами к твоим прикоснулся.
Фу, какой дурацкий сон!
И я проснулся.

Оксана Онищенко (школа № 14)

* * *

Пора б давать медаль «За мужество»
Тем, кто свою девичью честь
Хранит до самого замужества,
Не глядя на разврат и лесть.

* * *

О ты! Пришедший ниоткуда,
Ты ангел ломаной мечты,
В тебя я верю, будто в чудо,
Но и боюсь: исчезнешь ты.

* * *

У всего, наверно, есть конец:
У реки, у счастья и у лета...
Есть конец для влюблённых сердец
И конец есть у жизни этой...

Должен быть и конец у света,
Но его не настанет, пока
Ещё теплится в сердце поэта
Недописанная строка!

* * *

На пороге злой зимы
Души тёплыми вдруг стали,
Ведь не зря друг друга мы
Увидали.
Жизнь — отдельные куски,
В них счастливых очень мало:
Через год я от тоски
Увядала...

Аня Бирюкова (школа №14)

* * *

Маленькие рожки,
Косичка на спине,
Хлопает в ладошки
И бежит ко мне.

Вам не догадаться,
Кто это такой,
Лучше не пытаться!..
Это чёртик мой.

* * *

Мальчишки? Мальчишки! Мальчишки...
Сейчас вы, по сути, малышки:
На стул бросить кнопку училке,
Намылить доску на «чертилке»...
Дневник сплошняком в красной пасте,
И мама с директором в классе...
Девчонки по вам просто плачут!
А вам наплевать, не иначе...
Охота вам в детстве побыть...
Ну а когда же мы будем любить?

Что-то знакомое

Сижу за решёткой
В квартире сырой,
Вскормленный в неволе
Мой кот молодой —
Мой грустный товарищ,
Махая хвостом,
Кровавую пиццу
Жуёт под столом.

Ася Мисякова (школа №14)

* * *

Мои мелодии души
Танцуют яростное танго.
Подними скользкие духи
Во кровожадном манго.

* * *

Я поймала крокодила,
У него на попе мыло.
Он купаться не желал
И от мамы убежал.
Бедный грязный крокодил
От обиды слёзы лил.
Долго, долго он ревел
И от слёз позеленел.
Я утешила его — подарила эскимо.

Рис. Л. Колотовой.

Уединение

Сегодня ночью я одна,
Сегодня светит мне луна,
Но я хочу уединиться —
Мне этой ночью не до сна.
Я буду плакать — для себя,
И вспоминая, и любя,
И оттого, что лунный свет
Меня не успокоит, нет.

Мелодия

Клавиши рояля, старого рояля,
Вновь они запели, снова заиграли.
И эту песню, старую песню,
Чудесную песню слуху даровали.

В белой паутине струны у гитары,
Но старая гитара снова заиграла.
Старая гитара вместе с роялем
Клавиши и струны музыке отдали.

Музыка, как фея, палочкой взмахнула,
И стали вдруг мелодией клавиши и струны.
Сразу полетели ноты — воробьишки,
И сразу же запели девчонки и мальчишки.

Скучно

Кто-то постучал в окошко.
Нет, это просто дождь.
Я подожду ещё немножко,
Может, ты придёшь...

На воле

Как хорошо на воле,
Ветер шумит в поле,
И забываешь боли,
Что сердце сжимают в груди.

Чья-то большая рука
Гонит вдаль облака,
И ты не знаешь пока,

Что тебя ждёт впереди.

Старая квартира

Дверь со скрипом открывалась,
Лампа в комнате включалась.
Тихо в комнате пустой,
За окном туман густой.
И засохшие цветы
В вазе тут скучают.
На столе, весь в паутинках,
Дремлет старый чайник.
Телефон старинный
Не звонит уже.
Старая квартира
На третьем этаже.
И роялю тут не тесно —
Комната большая.
Поглядели мы в окно —
Там туман растаял.

.....

.....

Свечка уж потухла,
Больше не горит.
И конверт помятый
Брошенный лежит.
И часы на стенке
Грустные висят,
Видно, погрустить
С кем-нибудь хотят.

* * *

Где-то там, далеко,
Где плывут облака,
Где птицы поют и ветер бушует,
И солнечный луч играет с водой,
Где тихо и мирно в дали голубой,
Вдруг что-то взмыло в небесную даль...
Так это же шарик воздушный!
Он вырвался в парке из рук малыша
И вот поднимается вверх не спеша.

.....

.....

Всё выше и выше.
Взлетел он до крыши
И задержался немножко.
Поприветствовал птиц, улыбнулся земле
И дальше летит, шелестя налегке...

.....

.....

Он взмыл высоко-высоко над землёй,
Уселся на радугу — смелый какой!
Но ветер подул и понёс удальца,
Сказав ему: «Знаешь, дружок!
Вон там, за полями, лесами, лугами
Есть маленький тихий лужок.
Но нет там людей и нету зверей.
Там дом мой и дом моих верных друзей.
Летим же туда поскорей!»

Пегас

Пегас явился мне из снов,
Слегка касаясь облаков,
Летит на золотом крыле
И всё яснее виден мне.

Пегас, он очень далеко.
Но, только я беру перо,
Влетает он в моё окно.

Он смотрит на меня сквозь длинные ресницы,
И вижу я его глубокие глаза.
И понимаю: это только снится.
...Проснусь — исписано почти что два листа.

Красивым почерком влюблённого поэта
Пищу я, если прилетает он.
Наверное, меня счастливей нету,
Когда я вижу этот дивный сон.

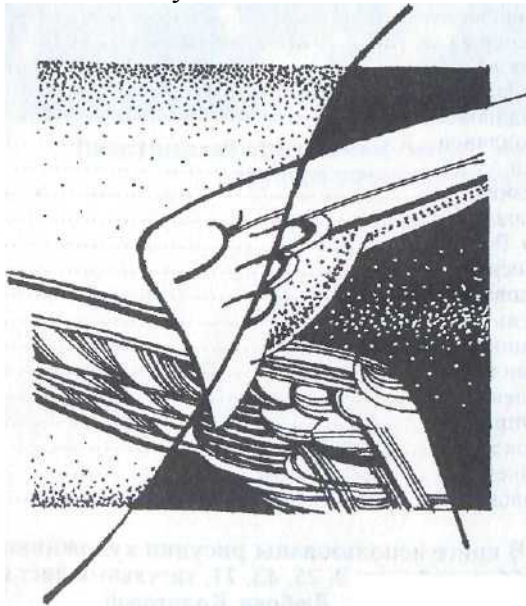

Рисунок Е. Некрыловой.

Содержание

Проза

Игорь Фоменков. Сказка о Медведе.....	5
Кирилл Анохин. Драка.....	6
Лена Маланина. Домовёнок.....	7
Игорь Пикулев. Сказки о Ярчике.....	13
Даша Останина. Опасные приключения.....	16
Оля Тузникова, Снежинка и Пушок.....	19
Аня Ляпкова. Новые соседи.....	22
Женя Ткачёв. Письма	30
Марина Рыболова. Храбрецов остаётся Храбрецовым	35
Лена Шомас. О, сладкие миги побед!	37
Ксения Перова. Воры и кактусы	39
Маша Плешакова. Окно	42
Полина Холодилова. Он и Она.....	44

Поэзия

Володя Щербинин.....	41
Маша Плешакова.....	42
Джульетта Слепцова	43
Полина Холодилова.....	45
Нина Кривцова.....	48
Ксения Галанова	49
Лена Рязанова.....	50
Настя Ануфриева	51
Саша Скиданов.....	54
Саша Чусовлянов.....	55
Оля Фурса.....	56
Ирина Лузина.....	60
Даша Попова.....	61
Владимир Родин.....	62
Наташа Лоскутова.....	63
Олеся Головацкая.....	64
Ира Кошель.....	69
Лена Жданова.....	70
Катя Гуранова.....	71
Юра Павленко.....	72
Оксана Онищенко.....	73
Аня Бирюкова	74
Ася Мисякова.....	75
Алиса Повова	76

В книге использованы рисунки художников: **Ольги Субботиной** (стр. 9, 25, 43, 71, титульный лист и обложка) **Екатерины Некрыловой, Любови Колотовой** и учеников Зональной школы искусств.

Поэт Николай Игнатенко и фантаст Александр Рубан с группой писателей третьего тысячелетия

Отпечатано частным предпринимателем Т. В. Поплавской
20 мая 2001 г. Тираж 150 экз.